

DOI 10.15393/j9.art.2018.5521

УДК 821.161.1.09“18”

Игорь Алексеевич Виноградов*(Москва, Российская Федерация)*

info@imli.ru

«Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя

Аннотация. К числу «сквозных» и «узловых» тем гоголевского творчества, долгое время не привлекавших к себе внимания, принадлежит вопрос об отношении писателя к «оппозиционным», противоправительственным течениям. Эта тема является ключевой для целого ряда художественных и публицистических произведений Н. В. Гоголя. Впервые исследуется гоголевская типология «огорченного человека» — литературного современника «лишних людей» Онегина и Печорина, «новых людей» Н. Г. Чернышевского, «подпольного человека» Ф. М. Достоевского и др. Анализируются взгляды Гоголя на соотношение либерализма и консерватизма — в частности, рассматривается находившийся в поле внимания писателя «парадокс», согласно которому лицемерный консерватизм всегда заключает в себе начала либерализма, тогда как обвиняемые псевдо-консерваторами «либералы» порой на деле являются носителями охранительных ценностей. Подробно освещается автобиографический характер отдельных мотивов гоголевских произведений, связанных с темой государственного служения. Устанавливается авторство воспоминаний неизвестного лица о пребывании Гоголя в Мангейме в 1844 г. Они принадлежат Григорию Михайловичу Толстому (1808–1871), богатому симбирскому и казанскому помещику, знакомому К. Маркса. Личность незаурядная, хорошо образованный представитель известного дворянского рода, субъект «онегинского» типа, любитель цыганских песен, театрала, либерал, игрок и охотник, Г. М. Толстой отличался необязательностью и, как можно судить, «легкостью в мыслях необыкновенною», так что вполне мог сослужить службу Гоголю в пополнении его галереи «мертвых душ». Эпизод из гоголевской биографии рассматривается на широком культурно-историческом фоне. Изучается история знакомства Г. М. Толстого с Гоголем в Москве в 1840 г. и общения с писателем, четыре года спустя, в Мангейме, а также обстоятельства сближения Толстого, накануне его приезда в Мангейм, в Париже с К. Марксом. Сообщаемые сведения открывают новую страницу в биографии и творчестве Гоголя.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, консерватизм, либерализм, типология героя, «лишние люди», «огорченные люди», полемика, пародия

1

Традиционно среди многочисленных писательских заслуг Н. В. Гоголя подчеркивается важный вклад, который он внес, вслед за А. С. Пушкиным, в развитие темы «маленького», обездоленного человека. В освещении этой очевидной и бесспорной в гоголевском творчестве темы был, однако, допущен, еще при жизни писателя, существенный перекосяк. На «выгодной», с точки зрения обличения самодержавной России, теме «маленьких людей» особенно настаивала современная Гоголю радикальная критика, а также литературоведение последующего, советского периода. Долговременная сосредоточенность на этой теме заслонила от исследователей более важную и гораздо более значимую проблему, которую решал Гоголь при создании этого типа. Идеологические препоны отвели внимание критиков от того обстоятельства, что тема «маленького человека» является в творчестве Гоголя лишь одной из составных частей, важным, но частным преломлением более широкой темы «оппозиционного», «огорченного человека» — одного из представителей обширной гоголевской галереи «мертвых душ». Тем самым в истории русской литературы было пропущено чрезвычайно важное звено. Оставленный без внимания гоголевский тип «огорченного человека» связывает собой целую плеяду типов «лишних людей»: пушкинского Евгения Онегина, лермонтовского Печорина, «новых людей» Н. Г. Чернышевского, «подпольного человека» Ф. М. Достоевского и др. Оригинальный вклад Гоголя в антропологию, его открытия в области типологии человека, остались, как и в случае с целым рядом героев Достоевского [Захаров, 2018], невостребованными.

С проблемой «огорченного человека» тесно связан неизученный вопрос о консервативных взглядах Гоголя как художника. О Гоголе как «консерваторе» радикальная пресса заговорила лишь в 1847 г., с выходом в свет его публицистической книги «Выбранные места из переписки с друзьями». В этой книге писатель попытался объяснить читателю подлинный смысл своей художественной деятельности, существенно искаженный в интерпретациях В. Г. Белинского и его последователей.

Однако «переубедить» современников Гоголю в полной мере не удалось. Книга, призванная, по замыслу писателя, дать им настоящий ключ к пониманию его произведений, подверглась идеологическому «разоблачению» и третированию. Впоследствии долгие годы в критике и литературоведении преобладало отношение к художественным произведениям Гоголя как к текстам, написанным в радикальном духе. Критические высказывания самого писателя в адрес радикалов в эпоху, предшествующую изданию «Выбранных мест...», по идеологическим причинам не изучались. Тем более не затрагивалась неизменная критика Гоголем «оппозиционеров» в его художественных произведениях. Воссоздание полноценной, объективной картины взглядов писателя на проблему противоправительственных течений — одна из насущных задач научного осмысления гоголевского наследия.

В 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» Гоголь писал:

«...первые взрывы и попытки производятся обыкновенно людьми отчаянно дерзкими, какими производятся мятежи в обществах. Они видят несвойственные формы, несоответствующие нравам и обычаям правила и ломают напролом чрез все. Они не видят границ, ломают без рассуждения все и всегда, и, желая исправить несправедливость, они в обратном количестве наносят столько же зла»¹.

Круг лиц, кого мог иметь в виду Гоголь под «отчаянно дерзкими», производящими «мятежи в обществах» людьми, достаточно широк, и наиболее вероятными из тех, кого писатель мог подразумевать в этом случае, следует прежде всего назвать декабристов, восстание которых нашло отражение в 1826 г. в школьных беспорядках в Нежинской гимназии, где учился будущий писатель². Но с таким же правом к «отчаянно дерзким» лицам Гоголь мог отнести в период написания статьи уже известного к 1836 г. своими радикальными взглядами Белинского. В том же 1836 г. в черновых набросках статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» Гоголь дал соответствующую — критическую, хотя и смягченную соображениями публичности, оценку деятельности молодого Белинского. «Вкус» Белинского Гоголь называл

тогда «молодым и опрометчивым» — и лишь обещающим «будущее развитие». Размышляя о безответственности «семейственной критики», он писал:

«Вместо того, чтобы говорить о деле <...>, рецензенты говорили совершенно о других обсто<ятельствах>, рассказывали разные труды автора на поприще вовсе нелитерат<урном>, где был он прежде, нежели сделался автором, <...> где кушал чай, <...> какая у него жена и тому подобное. <...>

В критиках Белинского, помещающихся в Телескопе, виден вкус, хотя еще необразовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукою за будущее развитие, потому что основан на чувстве и душевном убеждении. — При всем этом в них много есть в духе прежней семейственной критики, что вовсе неуместно и неприлично, а тем более для публики» [Гоголь, 1952: Т. 8, 532–533].

«...Отзыв Гоголя о Белинском, — указывал в 1963 г. М. П. Еремин, — при внимательном рассмотрении оказывается положительным, может быть, только наполовину» [Еремин: 365]. Но гораздо важнее в этом отзыве то, что определение Гоголем «вкуса» Белинского как «молодого и опрометчивого» содержит в себе определенный политический намек, актуальный после французской революции 1830 г. Слова Гоголя о Белинском перекликаются с характеристикой в той же статье европейской литературы, в которой, по словам писателя, вследствие «политических волнений» во Франции «распространился беспокойный, волнующийся вкус»:

«Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные <...>. ...эти явления <...> отражались и в России...» (VII; 476).

Идейное противостояние Гоголя и Белинского началось отнюдь не с выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». В полемику с Гоголем — публицистом и художником — Белинский вступил с самой первой своей статьи о гоголевских произведениях — «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”）」 (1835) [Виноградов, 2000: 347–363]. Как и в 1847 г., в споре о «Выбранных местах из переписки с друзьями», высказывания Белинского

о повестях Гоголя в 1835 г. были *подменной* существа вопроса пространными рассуждениями «о своем» [Виноградов, 2017а: 77–94]. Неизменным было и соответствующее гоголевское критическое отношение к Белинскому на всем протяжении их идейной борьбы. Заявление Белинского о том, что к 1847 г. Гоголь якобы переменял свои прежние политические взгляды (будто бы противоправительственные), является не более чем тактической уловкой критика.

Одним из многочисленных свидетельств того, что мировоззрение Гоголя в продолжение всей его жизни, в политическом отношении, кардинальным изменениям не подвергалось, может служить, в частности, то, что приведенные выше суждения об «отчаянно дерзких», «опрометчивых» людях, высказанные Гоголем в 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.», писатель много лет спустя повторил, почти без изменений, в первой главе второго тома «Мертвых душ». Здесь он рассказал историю вольнодумства помещика с «декабристским» прошлым Андрея Ивановича Тентетникова (в первоначальной редакции Дерпенникова).

Как замечает в заключительной главе второго тома гоголевский генерал-губернатор, Дерпенников, сосланный в Сибирь, был осужден за «преступление против коренных государственных законов, равное измене земле своей» (V; 478). Другой герой поэмы поясняет, что юноша «по неопытности своей был обольщен и сманен другими» (V; 478). По свидетельству современников, в Сибирь Гоголь даже намеревался перенести само действие поэмы³.

Повторением размышлений 1836 г. о недовольных возмутителях, желающих «исправить несправедливость», но носящих «в обратном количестве» «столько же зла», стало упоминание во втором томе поэмы о двух «огорченных людях» в числе петербургских приятелей Тентетникова:

«...в числе друзей Андрея Ивановича попало два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно-странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые поначалу,

но беспорядочные сами в своих действиях, они исполнены нетерпимости к другим» (V; 379).

Таким же очевидным «повтором» размышлений 1836 г. стал и прямой намек в истории Тентетникова на самого Белинского — «недокончившего учебного курса эстетика»:

«Надобно сказать, что в молодости своей он <Тентетников> было замешался в одно неразумное дело. Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да недокончивший учебного курса эстетик (в первоначальной редакции было: «да недоучившийся студент» (V, 262). — И. В.), да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряженьем старого плута и масона, и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека» (V; 388).

В неотправленном письме к Белинскому 1847 г. Гоголь замечал: «Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса» (XIV; 394).

Впервые главы второго тома гоголевской поэмы были напечатаны в 1855 г. Из этой публикации читателю стали известны и слова о радикальных друзьях Тентетникова, «пылкая речь» которых и «образ благородного негодованья противу общества» «подействовали на него сильно», «разбудивши в нем нервы и дух раздражительности», заставив «замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обращать внимание»⁴. Судя по всему, вскоре после появления в печати сохранившихся глав второго тома эти строки стали предметом пристального внимания современников. Тогдашнее восприятие читателями гоголевского рассказа также может служить реальным комментарием к окружению Тентетникова. По видимому, выражение Гоголя «огорченные люди» — эвфемизм для обозначения радикально настроенных лиц — сразу подметил Ф. М. Достоевский, работавший в ту пору над романом «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). «Огорченные люди» нашли тогда отражение в упоминании о принадлежности к «огромной фаланге огорченных» [Достоевский: Т. 3, 12] главного героя романа, Фомы Опискина. По наблюдению исследователей, в образе Опискина Достоевский, в числе прочего, заключил скрытую пародию на реальных представителей

этой «фаланги» — Белинского, М. В. Петрашевского и других «социалистов», с которыми встречался в 1840-х гг.⁵ Сообщая о литературной неудаче, ставшей главной причиной превращения Опискина в «огорченного» героя, Достоевский, возможно, имел в виду неудачный литературный дебют Белинского 1831 г., послуживший причиной его исключения из Петербургского университета «по слабости здоровья и притом по ограниченности способностей» [Поляков: 401]:

«Это было, конечно, давно; но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо, особенно людей ничтожных и глуповатых. Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной фаланге огорченных, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники. <...> Он и в шутках составил себе кучку благоговевших перед ним идиотов» [Достоевский: Т. 3, 12].

Отношение к Белинскому как к бесталанному «огорченному» Опискину, герою-деспоту, собравшему вокруг себя неумных почитателей (хранящих память о нем даже после его кончины: «Они и теперь не могут говорить о нем без особого чувства...» [Достоевский: Т. 3, 165]), звучит и в позднейшем отзыве Достоевского о критике в письме к Н. Н. Страхову: «Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще цените) именно был немощен и бессилен талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда...» [Достоевский: Т. 29₁, 208].

Следует, однако, оговориться, что сам по себе пародийный свод Достоевского в романе намного шире и многообразнее, чем конкретные указания на то или иное лицо⁶. К примеру, по наблюдению Л. П. Гроссмана⁷, на Белинского в «Селе Степанчикове...» указывает также запоминающееся слово «паршивик» в характеристике Опискина: «Какое у него лицо, у паршивика! Один только срам, а не лицо!» [Достоевский: Т. 3, 23]. Позднее, в письме к А. Н. Майкову 1868 г., Достоевский прямо употребил это слово в оценке Белинского: «...никогда не поверю словам покойного Аполлона Григорьева, что Белинский кончил бы славянофильством. Не Белинскому кончить было этим. Это был только паршивик — и больше ничего» [Достоевский: Т. 28₂, 328]. Но, несмотря на это, в образе Опискина

можно с не меньшим успехом обнаружить отдельные черты и выражения совершенно противоположного критику по взглядам человека, а именно — самого Гоголя. Например, как подметил Ю. Э. Маргулиес, на Гоголя указывает в «Селе Степанчикове...» знаменитая «малага», которую требует себе ломающийся перед окружающими Опискин [Маргулиес: 272–294]. Этот эпизод прямо «списан» с памятной встречи Гоголя в 1848 г. с петербургскими писателями-«некрасовцами», когда писатель, устав от неприязни юных либералов, неожиданно спросил себе «малаги». (Выражая свою «капризную» просьбу, Гоголь, по-видимому, подразумевал при этом стихотворение своего покойного друга Н. М. Языкова с одноименным названием, в котором «малага» как «напиток смиренный и беспенный» противопоставляется «кипучим» винам, которые герой пил в разгульные годы юности, когда — «всё было наобум»⁸. Догадка эта представляется тем более вероятной, что Языков в данном стихотворении следовал другому, тоже хорошо известному Гоголю образу — пушкинскому: «Вдовы Клико или Моэта / Благословенное вино <...> На стол тотчас принесено. <...> Но изменяет пеной шумной / Оно желудку моему, / И я бордо благоразумной / Уж нынче предпочел ему»⁹.) Эпизод с «малагой» был описан в 1855 г. присутствовавшим на встрече И. И. Панаевым, чьим рассказом, вероятно, и воспользовался Достоевский (см.: [Виноградов, 2018: 56–58]). Белинский и Гоголь — в одном персонаже, в образе Опискина, для Достоевского той поры *оба* — «деспотические», не знающие жизни «поучающие» доктринеры, «обличить» которых прошедший каторгу, получивший ничем другим не приобретаемый опыт писатель имел тем большее, по его мнению, «право», что пострадал он именно вследствие знаменитой «полемики» Белинского и Гоголя.

2

Рассказчик, перечисляя друзей Тентетникова, кроме «недоучившегося студента», упоминает о «двух философах из гусар, начитавшихся всяких брошюр» (V; 388). Упоминание о них нуждается в пояснении. Хотя эти слова вполне можно отнести и к офицерам-декабристам, но более вероятным

прототипом, точнее подходящим под такую характеристику, может быть назван «басманный философ», бывший гусар П. Я. Чаадаев — один из предполагаемых адресатов чрезвычайно высоко оцененного Гоголем в 1845 г. антизападнического стихотворения Н. М. Языкова «К ненашим» (стихотворение было адресовано Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и, возможно, П. Я. Чаадаеву). С Чаадаевым, метко очерченным еще в 1820-х гг. эпиграммой А. С. Пушкина: «Он в Риме был бы Брут, <...> / А здесь он — офицер гусарской», — Гоголь лично познакомился в 1840 г. [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 402].

Не будет безосновательным и предположение о прототипе второго «философа из гусар». Вполне вероятно, что, наряду с Чаадаевым, Гоголь подразумевал в этой фразе единомышленника Белинского М. А. Бакунина, с которым тоже был знаком. Впервые он встретил его в 1841 г. в Гане у Языкова. В то время Языков сообщал родным: «На днях встретился с Бакуниным; это один из московских юношей, занимающихся философией... <...>. Он герой и потому уже, что из офицерства перешел к наукам» [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 565]. Гоголь позднее иронически именовал Бакунина «философом» в письме к Языкову от 28 мая (н. ст.) 1843 г. (XII; 242).

Судя по всему, по замыслу автора образ «коптителя неба» Тентетникова во втором томе «Мертвых душ» (V; 372) предназначен был явить собой ответ так называемым «лишним людям» — тем из современников, которые в его «сатирических» произведениях находили, вслед за Белинским, оправдание своей оппозиционности и бездействия на поприще служения России. Белинский, к примеру, оправдывая Онегина (и оправдываясь сам), заявлял:

«Не натура, не страсти, не заблуждения личные сделали Онегина <...>, а век»; «...Онегин не принадлежит <...> к <...> разряду эгоистов. Его можно назвать *эгоистом поневоле* <...>. Благая, благотворная, полезная деятельность! Зачем не предался ей Онегин? <...> но что бы стал делать Онегин в сообществе с такими прекрасными соседями <...?>» [Белинский. Статья восьмая...: 455, 458–459].

Тем же самым — отсутствием достойного поприща, пресловутой «общественною средою», препятствующей «развитию»

народа по западноевропейским меркам, — Белинский объяснял и досадную «отсталость» героев «Мертвых душ»: «Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет» [Белинский. Литературный разговор...: 359–360].

По свидетельству П. Е. Басистова, одного из сотрудников либеральных «Отечественных записок», «Мертвые души» казались радикалам «самым положительным оправданием Печорина и подобных ему людей тогдашнего поколения»: «Отрицание старой жизни, выразившееся в ее комическом представлении у Гоголя, казалось в то же время выводом к жизни новой» [Басистов: 30]. В связи с этим профессор А. И. Введенский, размышляя в конце XIX в. по поводу образа Тентетникова, проницательно заметил:

«Гоголь был слишком реалист и свободен от влияния иностранных героев, чтобы не рассмотреть той фальши, которой облекались пустые Печорины. Каким-то непонятым ореолом непонятных страданий трудно было отвести Гоголю глаза. В самом начале романа пушкинский Онегин и во все продолжение лермонтовского романа Печорин несут на себе отпечаток байронизма, “демонизма”, привлекательной загадочности; у Гоголя нет ничего подобного. В этом и лежит причина, почему Тентетников — такой смиренный и незначительный малый. Гоголь взял самого простейшего из простых образованных людей современной ему России, лишил его всякого убранства человекоубийством и привлекательностью для женщин, поставив его в реальные условия, к окну деревенского помещичьего дома, и заставив смотреть, как дерутся деревенские бабы. Весь байронизм как рукой сняло с загадочного героя. Вышел просто — “коптител небя”, как его охарактеризовал Гоголь. Неопределенность исчезла, всякому стало понятно, что в Тентетникове не привлекательное зло и не что-либо вроде Печорина, каким является этот тип у Лермонтова, а просто ни к чему не приспособленный человек, совершенно бессильный в обществе, с нравственными задатками, но не умеющий отстаивать их...» [Введенский: 2–3].

К этому в целом верному наблюдению необходимо добавить то, что разоблачением душевной пустоты «лишних людей», прикрывающих свою бесполезность мнимой невозможностью

проявить себя в «удушающей» среде, Гоголь, в свою очередь, занялся отнюдь не в последние годы своей жизни. Он приступил к этому уже с самого начала своей художественной деятельности — задолго до работы над вторым томом «Мертвых душ».

Очевидным идейным «прототипом» Тентетникова в творчестве Гоголя является герой его раннего драматического «Отрывка», извлеченного в 1842 г. из сцен незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени» (1832–1834).

По словам рассказчика, Тентетников, вовлеченный в «неразумное дело», «скоро спохватился» и из круга «огорченных людей» выбыл (V; 262). В несохранившемся фрагменте второй главы второго тома «Мертвых душ» он, по воспоминаниям Л. И. Арнольди, «с прекрасным увлечением» говорил о самопожертвовании русских людей в войне 1812 г., о том, что «весь народ встал как один человек на защиту отечества» [Виноградов. Летопись...: Т. 6, 338, 342].

Подобно Тентетникову, ранний герой Гоголя тоже производит (в черновой редакции «Отрывка») вдохновенный монолог о способности русского человека «пожертвовать всем имуществом» и самой жизнью (лейтмотив всех размышлений Гоголя о 1812 годе) и противопоставляет этому главному свойству национального характера деятельность декабристов — «пятидесяти русских пустых голов, воспитанных на французскую ногу», увлеченных, по словам героя, «оторванной от всего мыслью, созданной наскоро в легкой голове француза» [Гоголь, 1949: Т. 5, 424, 127].

Позднее, в 1845 г., в статье «Занимающему важное место» Гоголь, имея в виду декабристов, также замечал: «...слава Богу, уже прошли те времена, чтобы несколько сорванцов могли возмутить целое государство» (VI; 146). Очевидно, что, как и в других случаях, Гоголь лишь повторял здесь то, о чем, почти в тех же выражениях, рассуждал ранее герой «Отрывка».

Но объединяют героев «Отрывка» и второго тома «Мертвых душ» (увы!) не только их патриотические чувства, но и — одинаковое безволие. Гоголевская ирония в «Отрывке» заключается в том, что увлеченно проповедующий верность долгу и чувство «непостижимой любви к царю» герой [Гоголь,

1949: Т. 5, 127] — Михал Андреевич, или просто Миша, — на деле во всем подчиняется своей «маменьке», светской даме Марье Александровне, — одной из «вредных обществу» законодательниц светского образа жизни с его этикетами, пустыми лицемерными обычаями, европейской развращающей роскошью и пр. (VI; 185) — всего того, что, по убеждению Гоголя, губительно для России, и не в меньшей мере, чем декабризм. «Вы рассмотрите, когда и в чем я был не послушен вам», — неожиданно завершает Миша свой вдохновенный монолог [Гоголь, 1949: Т. 5, 425]. «Этот добродетельный молодой человек поражает своей покорностью матери, доходящей до того, что, повинувшись ее вздорной прихоти, он готов, не смотря на свои тридцать лет, поступить в юнкера» [Коробка: 9]. «Болезнь воли», непоследовательность, подверженность дурным мнениям и соблазнам, вполне хлестаковское отсутствие «царя в голове» — отличительные черты «лишнего человека», определяющие характеры этих «разновременных» героев Гоголя. Будучи на словах верны памяти о событиях 1812 года, они так или иначе оказываются причастны мятежному либерализму.

Сходные «декабристские» реминисценции встречаются у Гоголя — в похожем контексте — и в первом томе «Мертвых душ», во вставной «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе. Здесь излагается история об отважном капитане, участнике Отечественной войны 1812 г., ставшем впоследствии, по невольности к чужеземным соблазнам и вследствие «распеканья» важного генерала, — прямым врагом Отечества, опустошающим «казенный карман» разбойником. На то, что судьба Копейкина была для Гоголя неким подобием участи декабристов — бесстрашных русских офицеров, героев войны 1812 года, ставших спустя несколько лет участниками противоправительственного заговора (о чем, конечно же, Гоголь не мог писать открыто), — указывает в «Повести...» характерное замечание героя, определенного разгневанным петербургским генералом для препровождения «на место жительства»: «...по крайней мере не нужно платить прогонов...» (V; 198). (Прогоны — здесь: установленная плата за проезд на казенных почтовых лошадях. — И. В.) Существовал указ от 13 июля

1826 г. «О выдавании прогонов на одну лошадь арестантам из дворян и отставным офицерам, не имеющим состояния, при пересылке их под караулом». В «Полном собрании законов Российской Империи» этот указ следует за Именным указом по делу о декабристах и манифестом «О совершении приговора над государственными преступниками», которые датированы тем же числом¹⁰ (в этот же день приговор по делу о декабристах был приведен в исполнение).

Двойственное отношение автора к герою «Повести о капитане Копейкине» — персонажу, заслуживающему не только сострадания, но и порицания, — много лет спустя верно подметил Достоевский. По поводу разбойных нападений «атамана» Копейкина «на одно только казенное» он замечал: «...страшно развелось много капитанов Копейкиных, в бесчисленных видоизменениях <...>. И все-то на казну и на общественное достояние зубы точат» [Достоевский: Т. 27, 12].

Несомненный «двойник» бегущего за границу, «в Соединенные Штаты» капитана Копейкина — «оппозиционер» и предатель родины Андрий в «Тарасе Бульбе», настигаемый отцовским возмездием: «Я тебя породил, я тебя и убью!» (I/II; 389). Из всех казаков в наибольшей степени для Андрия «жизнь — копейка», — согласно выражению, употребленному Гоголем в 1834 г. в статье «Взгляд на составление Малороссии» (VII; 166) и, вероятно, отразившемуся затем в прозвище капитана *Копейкина* в «Мертвых душах». Эта переключка между строками ранней статьи и именем героя поэмы (копейка — Копейкин), по-видимому, не противоречит тому обстоятельству, что при создании образа разбойного капитана Гоголь пользовался и народной песней о «воре» Копейкине, сообщенной ему в 1839 г. П. М. Языковым [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 268, 576]. Как представляется, песня потому и послужила Гоголю «первоисточником» для образа, что народное прозвище разбойника «совпало» с размышлением о «жизни — копейке», которое он изложил ранее во «Взгляде на составление Малороссии»:

«И вот <...> те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей... <...>. Это

общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников...» (VII; 166–167).

Однако негативные черты в облике казаков, по Гоголю, — только внешние, наружные приметы. Они отнюдь не составляют главного, «формообразующего» принципа Запорожской Сечи. Гоголь во «Взгляде на составление Малороссии» замечал: «...но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей» (VII; 167). Именно так изображает писатель запорожское общество и в самом «Тарасе Бульбе» — в противостоянии между высоким духовным призванием православных воинов и пагубными мирскими соблазнами, препятствующими им исполнять свое предназначение и приводящими к гибели пьянствующих казаков, к бесславной смерти опьяненного страстью Андрия [Виноградов. Комментарий: 490–494]. Сходным образом упомянутый герой драматического «Отрывка» Миша разрывается между высоким чувством долга и меркантильными требованиями его великосветской матери. Так же смелый капитан Копейкин, герой Отечественной войны 1812 г., «вопреки» своему патриотическому служению становится грабящим «казну» разбойником.

«Лишним человеком», не способным достойно реализовать себя в отечестве, является также «бунтующий» герой еще одного раннего произведения Гоголя — повести «Записки сумасшедшего» (1834). Этот вполне «огорченный человек» носит многозначительную фамилию Поприщин, однако мечтает он не о «законном поприще», на котором может «сослужить службу» «земле своей» (VI; 37, 224, 241), а о дочери начальника (подобно грезящему о прекрасной панночке Андрию), заполняет свой досуг посещением театров, народных гуляний, любовными стишками, а еще более — лежанием на кровати. По замыслу автора, он являет собой результат *собственного* нежелания возрастать в назначенном служении. В статье «Страхи и ужасы России» (1846) Гоголь писал:

«Служить <...> теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...» (VI; 131).

Вопреки этому убеждению, Поприщин предпочитает оставаться «вечным титулярным советником» (III/IV; 117) — чиновником, «очинивающим перья для его превосходительства» (III/IV; 158). Несмотря на все свое тщеславие, доводящее его до «вольнодумных» мыслей о собственном «королевском» величии, — герой не предпринимает ровно ничего для того, чтобы перейти хотя бы на следующую ступень служебной лестницы. Избегает он этого потому, что, по существовавшим с 1809 г. правилам, для получения следующего чина, коллежского асессора, требовалось посещение лекций и сдача университетского экзамена¹¹. (Предшествующие званию титулярного советника чины шли «сами по себе», давались за выслугу лет.) Эту тему Гоголь не раз поднимал в других своих повестях. Например, тщеславный «майор» Ковалев в повести «Нос», стремясь из титулярных советников, отправляется даже на Кавказ, где чин коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, «майора») присваивался без аттестата и экзаменов.

В 1844 г. Гоголь обращался к поэту Языкову: «На колени перед Богом, и проси у Него Гнева и Любви! Гнева — противу того, что губит человека, любви — к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам» (VI; 70). Кроме сумасшедшего «бунтаря» Поприщина, Гоголь изобразил в своих произведениях еще несколько «бедных», «вечных титулярных советников», заслуживающих одновременно и сострадания, и обличения. Это и демонический мститель Башмачкин в «Шинели», и равный ему по чину мститель-«атаман» капитан Копейкин (армейский чин капитана точно соответствовал гражданскому чину титулярного советника — «титулярный тот же капитан» [Гоголь, 1949: Т. 5, 366]). Прямая «копия» «крадущего шинели» «переписчика» Башмачкина — замешанный в «неразумном деле» столь же незначительный «переписчик» Тентетников (о котором местный капитан-исправник замечает: «Да ведь чинишка на нем — дрянь...» — V; 244).

Все эти гоголевские образы бунтующих «недоучек» имеют самое непосредственное отношение и к не окончившему «университетского курса» радикалу Белинскому. Именно положение Башмачкина и Поприщина, не одолевших ступени университетских экзаменов и не сумевших реализовать свой талант в подлинном служении Отечеству, служило Гоголю неким подобием состояния духовного и интеллектуального образования критика, погубившего, по оценке писателя, свой талант в «ожесточении и ненависти» (XIV; 394). Вероятно, еще в 1826 г. Гоголь прочел обнародованный в тогдашних военных ведомостях, в газете «Русский инвалид», Высочайший манифест от 13 июля 1826 г. о завершении суда и исполнении наказания по делу декабристов. В числе прочего, в манифесте сообщалось: «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, — недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель»¹². В почти буквальном соответствии с этим манифестом Гоголь в неотправленном письме к критику 1847 г. в ответ на превознесение тем трудов Вольтера замечал: «Вольтером не могли восхищаться полные и зрелые умы [ни Пушкин, ни Суворов]¹³, им восхищалась недоучившаяся молодежь. <...> Будем стараться, чтоб не зарыть в землю талант. <...> Возьмитесь снова <...> за свое поприще, с которого вы удалились с легкомыслием юноши. Начните вновь ученье» (XIV; 388, 393–394).

В 1834 г. с целью привлечь многочисленных титулярных советников — «поприщинных» и «башмачкиных» — к повышению образовательного уровня (и социального статуса) новый министр народного просвещения С. С. Уваров издал специальный указ «О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников»¹⁴. «Беспристрастное испытание <...> чиновников, требующих назначенным Указом 6 августа 1809 года аттестатов, — писал Уваров, — есть один из важнейших способов к поощрению учения и к отвращению многих неудобств»¹⁵. Незадолго до этого, в 1832/33 учебном году, из подвергавшихся испытанию

чиновников в Петербургском университете были удостоены получения аттестатов лишь три человека¹⁶. Обо всем этом Гоголь узнавал из первых номеров «Журнала Министерства Народного Просвещения» 1834 г. Получив первый номер журнала, он писал его редактору К. С. Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!» (X; 238–239).

3

Судьба «огорченных людей» и сама проблема «оппозиционности» занимала Гоголя еще со школьной скамьи. Слабовольного «маленького человека», ропщущего на свой незавидный удел — и на обманувший его надежды «ненавистный, слабомумный» свет (VII; 44), он вывел еще в 1827 г. в юношеской поэме «Ганц Кюхельgarten». В этой поэме он противопоставил исполненного «могучих сил» идеального, «Небом избранного» деятеля, отважно преодолевающего все препятствия и не внемлющего «мишурному» блеску славы, — рядовому обывателю, не имеющему «железной воли», однако предающемуся, несмотря на недостаток сил и талантов, «коварным мечтам». Таким представителем «слабых» мечтателей является главный герой поэмы Ганц Кюхельgarten, который тщеславно, «не по праву» соблазняется лучшей участью. Во избежание огорчений и ропота — следствия неудач, постигающих героя, Гоголь назначает ему более доступное поприще: «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» (VII; 45–46, 49).

Несомненен автобиографический характер этих литературных образов юного Гоголя. В год создания «Ганца Кюхельgartена» он писал своему двоюродному дяде П. П. Косяровскому:

«Еще с самых времен прошлых <...> я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства <...>. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу, бросали меня в глубокое уныние» (X; 74).

Как известно, в Петербург Гоголь приехал с чрезвычайно широкими (и смутными) планами о благородном труде на благо Отечества. Однако ему предстояло начать свою деятельность с низших ступеней чиновничьей лестницы. Это очень болезненно отразилось на его юношеском честолюбии. Страх «не означить своего существования» в мире — «Себя обречь бесславью в жертву, / При жизни быть для мира мертву» (VII; 28) — еще более усилился в Петербурге после неудачи с его первым литературным произведением — тем самым «Ганцем Кюхельгартенем». Опубликованная летом 1829 г. под псевдонимом «В. Алов» поэма получила в журналах уничтожительные рецензии, и Гоголь, скупив имевшиеся у книгопродавцев экземпляры, сжег их. Можно представить, как после случившейся литературной неудачи честолюбивый юноша ощутил ужас от возможного превращения в обыкновенного и даже ничтожного чиновника — в Акакия Акакиевича Башмачкина из будущей «Шинели» (в повести содержится целый ряд автобиографических переключек с ранними письмами Гоголя из Петербурга; см.: [Виноградов, 2001]). Отсюда в полную силу вступает начатое Гоголем еще в школьные годы воспитание самого себя, восхождение по духовной «лестнице». 24 июля 1829 г., когда нахлынувшие страхи немного улеглись, Гоголь пишет матери, что Бог указал ему особый путь, чтобы он мог «воспитать свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности»: «...чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеивать благо и работать на пользу мира» (X; 110). (Попутно отметим, что, в отличие от своих героев, «вечных титулярных советников», Гоголь препятствий к продвижению по служебной лестнице, связанных с образованием, формально не имел. Гимназия высших наук в Нежине обладала правами университета, так что ее воспитанники именовались «студентами», а выдаваемые аттестаты имели «равную силу с аттестатами, выдаваемыми от Российских университетов» и освобождали «получивших оные от испытания для производства по службе в высшие чины»¹⁷. Однако какие-то проблемы, связанные с реальным признанием прав нежинских выпускников, у Гоголя, по-видимому, все-таки были¹⁸.)

В 1836 г. Гоголь повторяет противопоставление исполненного «могучих сил» деятеля и слабого, ропщущего обывателя. В начале статьи «Петербургская сцена в 1835–36 г.» он использует многозначительную характеристику «отчаянно дерзких» людей, которыми «производятся мятежи в обществах». Устроителям «мятежей» он, как и в «Ганце Кюхельгартене», противопоставляет «великого творца», который из доставшегося ему «хаоса» «спокойно и обдуманно творит новое здание, обнимая своим мудрым двойственным взглядом ветхое и новое» (VII; 503). Применительно к литературе Гоголь представляет эту коллизию как неоспоримое превосходство великого, гениального «классика» над посредственными «романтическими» (напоминающими «романтика» Ганца) талантами:

«Много писателей <...> романтической смелостью даже изумляли оглушенное новым языком, не имевшее время одуматься общество. Но как только из среды их выказывался талант великий, он уже обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойствием художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание. Так совершил это Вальтер Скотт и, имея столько же размышляющего, спокойного ума, *совершил бы* Байрон в колоссальнейшем размере. Так совершит и из нынешнего брожения вооруженный тройною опытностью будущий поэт...» (курсив мой. — И. В.) [Гоголь, 1952: Т. 8, 554]. (О посещении Байроном, как и гоголевским Ганцем, восставшей Греции современникам было хорошо известно.)

В полном соответствии с этим противопоставлением могучего творца слабому мечтателю («Ганц Кюхельгартен»), великого деятеля — посредственным лицам («Петербургская сцена в 1835–36 г.»), Гоголь еще со школьных лет критически относился и к прельщавшим современников «байроническим» чертам Евгения Онегина, одного из первых «лишних людей» в русской литературе — героя, сочетающего в себе, подобно английскому прототипу, «гениальную» избранность и разочарованную оппозиционность. Как уже отмечалось, Белинский истолковывал «эгоистический» характер пушкинского героя исключительно апологетически («эгоист поневоле», «ограничен» потому, что не имеет поприща для проявления своих

талантов). Гоголь же еще в 1828 г. с одобрением прочел в «Московском Вестнике» первую печатную работу славянофила И. В. Киреевского — статью «Нечто о характере поэзии Пушкина», где Онегину был вынесен приговор как «существу совершенно обыкновенному и ничтожному»: «Эта пустота главного героя была, может быть, одною из причин пустоты содержания первых пяти глав романа...»¹⁹.

В статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь замечал, что «последние» пушкинские поэмы, где поэт «погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников», «уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него все, где ни являются Эльбрус, горы, Крым и Грузия» (VII; 275–276). Возможно, здесь он имел в виду именно отзыв Киреевского о «пустоте содержания первых пяти глав» «Евгения Онегина». С его приговором, вынесенном пушкинскому произведению, Гоголь, очевидно, был не согласен. Напротив, он подчеркивал высокое искусство Пушкина, сумевшего в новых поэмах из «обыкновенного» извлечь «необыкновенное» (VII; 277). Однако в оценке самого Евгения Онегина Гоголь с Киреевским был единомышлен. Служившие предметом для подражания «увлекательные» черты Онегина (искусно изображенные Пушкиным, но не достойные одобрения) Гоголь впоследствии кардинально переосмыслил и переименовал в образе «пустейшего, ничтожнейшего мальчишки», «елистратишки»²⁰ Хлестакова в «Ревизоре»²¹. Одновременно Гоголь задумался и над тем, насколько изображение отрицательного и даже «демонического» героя может послужить продолжению его «существования в мире» (III/IV; 109) — подражательному «перевоплощению» образа в современных читателях и потомках. Эти размышления стали предметом гоголевской повести «Портрет».

Таким образом, проблема «лишних», «огорченных людей» предстает в творчестве Гоголя как одно из многочисленных преломлений темы «мертвых душ» — «мертвых обитателей, страшных недвижимым холодом души своей» (III/IV; 469). С самых первых своих произведений Гоголь, поднимая тему «маленького человека», выступает обличителем «пошлых»,

мелких «бунтарей», находящихся в непрекращающейся «ссоре», вражде с окружающим миром. Эти «духовные недоросли» не обременяют себя заботой об умножении своих талантов и не помышляют — как следовало бы, согласно чтимому Гоголем Иоанну Лествичнику²², — о восхождении по «лестнице» добродетелей, до Господня «возраста».

В 1846 г. усилиями приятеля Белинского, цензора А. В. Никитенко, в издававшихся тогда «Выбранных местах из переписки с друзьями» был исключен целый ряд глав, в том числе глава «Нужно любить Россию». Именно в этой важной статье содержится прямое назидание Гоголя, адресованное «лишним людям», — и не кому-нибудь, не каким-то посторонним, далеким от него либералам-западникам, а наиболее близкому своему другу, графу А. П. Толстому, впоследствии, в 1856–1862 гг., обер-прокурору Святейшего Синода. Во время написания статьи Толстой, служивший ранее, в 1830-х гг., тверским, а затем одесским губернатором, находился, вследствие конфликта с князем М. С. Воронцовым, в отставке. Из поучения Гоголя Толстому прямо следует, что его критическое отношение к носителям оппозиционных настроений определялось размышлениями о призвании человека, о самом смысле его жизни: «...Если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем... <...> Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам» (VI; 89).

Вообще говоря, не только содержание статьи «Нужно любить Россию», но и замысел всей итоговой книги Гоголя можно определить как стремление сделать каждого русского

подданного полезным России [Виноградов, 2017а: 77–94]. Еще более критическое отношение Гоголя к «лишним людям» уясняется из той задачи, которая была поставлена в 1832–1834 гг. перед русским обществом министром Уваровым. Хорошо известно, что в те годы в качестве основ народного образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия, Народности. Проводимый министром по инициативе Императора Николая I правительственный курс оказался глубоко созвучен современникам, в том числе Пушкину и Гоголю²³. Возобладал начатый еще А. С. Шишковым, министром народного просвещения в 1824–1828 гг., курс национально ориентированной политики в области образования — в отличие от противоположной «космополитической» деятельности на ниве просвещения в 1816–1824 гг. и 1828–1833 гг. министров князя А. Н. Голицына и светлейшего князя К. А. Ливена. Для Гоголя этот поворот государственной политики органично «совпал» с его собственными, внутренними устремлениями как художника, придав им новую силу — «официальное» одобрение и поддержку. Поставленная Уваровым задача духовного единения и развития страны сразу напомнила Гоголю главные «болевы точки» отечественного прошлого и настоящего, обнажила те проблемы, которые предстояло решать, осуществляя эту общенациональную программу. Самыми важными задачами монарха Гоголь считал преодоление бесконечных ссор и нестроений, а также всемерную поддержку духовного и профессионального возрастания его подопечных — и даже воспитание их святости. В позднейшей статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал:

«Все события в нашем отечестве <...> видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах <...> вооружить каждого <...> высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку <...> воздвигнуть в себе <...> брань всему невежественному и темному», чтобы мог один «устремить, как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» (VI; 46–47).

Именно в инициативах Уварова, в утверждении им основ Православия, Самодержавия, в провозглашении Народности русской литературы²⁴, берет свое начало замысел задуманных

в 1835 г. Гоголем «Мертвых душ»²⁵. Вскоре по создании «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь писал матери 2 октября 1833 г.: «У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего» (X; 227). О подобных христианах лишь по имени — «...вем твоя дела, яко имя имаши яко жив, а мертв еси» (Откр. 3:1) — Гоголь непосредственно размышлял при создании своей поэмы, желая, по его собственным словам, получить за это «ободрение и помощь от правительства» (XII; 21: письмо Гоголя к С. С. Уварову 1842 г.).

Однако курс, официально провозглашенный в 1832 г., называть «господствующим» в действительности было нельзя. Последовательное проведение в жизнь заявленных начал могло встретить в то время — со стороны окружающих «мертвых душ» — даже административное противодействие. М. П. Погодин в 1841 г., после выхода в свет первых номеров основанного при участии Уварова журнала «Москвитянин», записал в дневнике:

«Поутру был граф Толстой (имеется в виду упомянутый А. П. Толстой. — *И. В.*), с которым много говорили о России нынешней и прошедшей. Журнал ваш запретят, сказал он, потому что в нем слишком ясен Русский дух и много Православия. Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она имеет свое начало в чужих краях, трепещущих России и действующих чрез золото» (цит. по: [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 531]).

Позднее, в неотправленном письме к графу С. Г. Строганову от конца января 1845 г., Погодин отмечал:

«Никто в Москве не пишет <...> ссылаясь, по русской лени, на цензуру, которой ужаснее вообразить трудно... <...>. Один журнал <“Москвитянин”>, который целая партия считает официальным, а между тем ни одного номера не проходит без затруднения, так что несколько раз я хотел уничтожить его. <...> А в Петербурге, наоборот, пропускают Бог знает что. В Петербурге можно зажигать, а нам нельзя кричать — пожар» (цит. по: [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 531]).

Покровительство самой цензуры западническим журналам отмечал весной 1847 г. Ю. Ф. Самарин в письме к А. С. Хомякову: «...петербургская цензура не пропускает ничего против “Отечественных Записок”, “Современника” и в пользу Гоголя» (цит. по: [Виноградов. Летопись...: Т. 5, 656]). Сам Гоголь в письме к А. О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. писал по поводу цензурных сокращений в его «Выбранных местах из переписки с друзьями»:

«Вся цензурная проделка для меня покаместь темна и не разгадана. Знаю только то, что цензор <А. В. Никитенко> был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появление моей книги» (XIV; 121).

В свое время марксистский исследователь Я. З. Черняк (из круга Л. Б. Каменева и М. О. Гершензона) самонадеянно заявлял по поводу этих слов Гоголя: «Нет нужды опровергать полную неосновательность этого предположения» [Черняк: 584]. Между тем сохранившиеся документы полностью подтверждают догадку Гоголя. (О роли петербургской цензуры, а именно приятеля В. Г. Белинского цензора — А. В. Никитенко — в сокращении, более чем на четверть, «Выбранных мест из переписки с друзьями» см.: [Виноградов, 2005], [Виноградов. К истории создания...: 445–464]).

11 января 1847 г. С. Т. Аксаков, не вполне чуждый «оппозиционности», в свою очередь сообщал сыну Ивану: «В первом номере “Современника” я выслушал только две статьи Белинского: о русской литературе и втором издании “Мертвых душ”²⁶. С обеими статьями я совершенно согласен, они мне очень нравятся. Не забавно ли, что в Петербурге свободно пропускают то в *журналах*, за что здесь *преследуют ученые диссертации!*» [Виноградов. Летопись...: Т. 5, 512].

Один из близких знакомых Гоголя по Петербургскому университету славянофил Ф. В. Чижов в письме к художнику А. А. Иванову от 6 февраля 1846 г. замечал: «В Петербурге, кроме Царя, его семьи и народа, все какого-то космополитического направления; там и речи не заводи об истинно русском» (цит. по: [Бартенев: 414]). В 1832 г. сам Уваров осуществление

заявленной программы называл «одной из труднейших задач времени»²⁷.

«Литературоцентричность», предложенная в 1834 г. министром с целью вовлечения писателей в процесс общенационального строительства, также в самое непродолжительное время оказалась орудием в руках оппозиционеров. Так что к середине XIX в. светская словесность, на поддержку которой рассчитывал министр, стала плацдармом, откуда разворачивались основные движения, направленные против традиционного уклада русской жизни. Это напрямую сказалось на интерпретации гоголевских произведений в критике, которые «нужны» были радикалам — «огорченным людям» — исключительно в политических, тенденциозных целях (см. об этом: [Виноградов, 2018]). Ф. М. Достоевский, вспоминая о Белинском, замечал:

«Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<a>прим<ер>, о “Мертв<ых> душах”). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*» (письмо к Н. Н. Страхову от 30 мая (н. ст.) 1871 г. [Достоевский: Т. 29₁, 215]).

Обсуждение проблемы «лишнего человека» применительно к творчеству Гоголя приобрело наибольший накал и остроту в конце XIX в. Ожесточенные споры в предреволюционные годы о «лишних людях» стали, по сути, спором об исторической России и самой возможности ее существования. Острая полемика по этому вопросу вспыхнула в 1880 г. между Ф. М. Достоевским и публицистом А. Д. Градовским, идейным продолжателем Белинского. В 1880 г. Градовский, подвергнув критике речь Достоевского на Пушкинском празднике, писал:

«...Гоголь — великая оборотная сторона Пушкина. Он поведал миру, отчего бежал к цыганам Алеко, отчего скучал Онегин, отчего народились на свет “лишние люди”, увековеченные Тургеневым. Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановские, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины — вот тeneвая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многих иных. Это фон, без которого непонятны фигуры последних» [Градовский: 1].

Возражая на замечание Градовского, Достоевский в «Дневнике Писателя» за 1880 год писал, что выведенные Гоголем герои отнюдь не являются воплощением коренных русских типов, что это изображение отклонений, «уродств» русской жизни — и что такими же отклонениями являются и типы «лишних людей»:

«Вы утверждаете, что Алеко убежал к цыганам от Держиморды. Положим, что это правда. <...> А я утверждаю, что Алеко и Онегин были тоже в своем роде Держиморды, и даже в ином отношении и похуже. <...> Ведь не можете же вы отрицать, что они почвы не знали, росли и воспитывались по-институтски, Россию узнавали в Петербурге на службе, с народом были в отношениях барина к крепостному. <...> не только перед Держимордой был горд наш скиталец, но и перед всей Россией, ибо Россия, по его окончательному выводу содержала в себе только рабов да Держиморд. Если же заключала что-нибудь в себе благороднее, то это их, Алек и Онегиных, а более ничего» [Достоевский: Т. 26, 156–157].

(Характерно, в частности, позднейшее признание создательницы известной тетралогии «Лениниана», советской писательницы М. С. Шагинян: «...мы выросли плотью от плоти русской интеллигенции, когда “приносить обществу пользу”, работая в учреждении, казалось позорным концом “Обыкновенной истории” Гончарова» [Шагинян: 52].)

В. В. Розанов, отвечая Ю. Н. Говорухе-Отроку, указывавшему, что Гоголь «невинен» в интерпретации его произведений в революционно-демократической критике, замечал:

«Вспомним речь Достоевского на Пушкинском празднике: в минуту такого порыва, такого обаяния для всех, он упал как скошенный, когда к его ногам были брошены Гоголевские мертвецы. Отсюда — мучительное раздражение, с которым он отвечал профессору Градовскому. Он понял, что сколько бы ни говорил он далее, к какой бы диалектике ни прибегал — все эти вековые мертвецы, и с ними — истина, что человек может только презирать человека. И действительно, все в его полемике забыто, никто не помнит подробностей спора, но верно всякий помнит мысль, что в прежнее время людям высшей души некуда было и деваться, как только уходить в цыганские таборы от ходячих мертвецов, населявших города» [Розанов: 4].

На это тоже последовал ответ. Ю. Н. Говоруха-Отрок писал:

«...странные слова говорит г. Розанов о том, что <...> карающий смех заставляет “свертываться самый высокий энтузиазм”. Да, заставляет свертываться всякий *фальшивый* энтузиазм. <...> Вот почему, поскольку в энтузиазме Достоевского было чистого золота, ссылка Градовского на Гоголя не повредила этому энтузиазму и, для умеющего видеть, отделила лишь примесь от золота. И если Достоевский, сильно и властно ответивший Градовскому во всем остальном, в этом пункте, в ссылке на Гоголя, как бы ослабевает, то единственно потому, что именно здесь в его энтузиазме сказала фальшивая нота. Впрочем, и он все же сказал, что его “скиталец” бежал от жизни вовсе не благодаря Сквознику-Дмухановскому, но сказал это, к сожалению, неопределенно, потому что никак не мог отказаться от фальшивой идеализации этого “скитальца”. В действительности же его “скиталец”, начиная от Онегина и кончая самую последнюю минуту, скитался единственно от своей душевной пустоты, единственно от неподвижности своей души, от того, что не делал усилий прорвать “мертвую ткань”, опутавшую его душу. Он уходил не от грешного мира, где трудно спастись, как уходили наши Серафимы Саровские, пустынники и подвижники, чтобы, воспитав себя в пустыне, *светить* этому омертвевшему миру, он хотел убежать *от себя*, от своей собственной греховности и пустоты — и, конечно, не мог от нее убежать никуда» [Говоруха-Отрок: 5].

Несмотря на резонные возражения, на голоса в защиту традиционного русского государственного уклада, «старая» Россия после 1917 г. была окончательно обвинена и приговорена, а «страдавший» при «царском режиме» «лишний человек» — безусловно оправдан. Гоголевские произведения при этом были однозначно записаны «в пользу» «лишних людей» — как «сатира», обличающая и осуждающая историческую, самодержавную Россию. Естественно, что о гоголевском критическом отношении к радикальным деятелям говорить в советское время не приходилось. В настоящее время изучение вопроса об отношении Гоголя к «лишним людям» лишь начинается, а потому нуждается в собирании и оформлении доказательной базы.

4

Новым фактическим материалом, имеющим отношение к осмыслению Гоголем типа «огорченного человека», является неизвестная история общения писателя с одним из лиц, принадлежащих к «онегинскому» типу и даже входивших — в числе оппозиционных российскому правительству лиц — в круг «русских приятелей» К. Маркса. Эта история позволяет еще раз, на конкретном примере, проследить характер понимания Гоголем проблемы «лишнего человека».

В 2013 г. впервые по автографу, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), были опубликованы воспоминания неизвестного лица о пребывании Гоголя в Мангейме летом 1844 г. [Виноградов, 2013: 558–560]. Из источника следовало, что звали мемуариста Григорием Михайловичем, однако вопрос о фамилии оставался открытым. Ныне по именам упоминаемых в мемуарах отца и деда автора воспоминаний — Михаила Львовича и Льва Васильевича — удалось установить, что лицом, проживавшим с Гоголем в Мангейме в период между 15 и 19 июня (н. ст.) 1844 г., был небезызвестный Григорий Михайлович Толстой (1808–1871), богатый симбирский и казанский помещик, убежденный либерал, любитель цыганских песен, театрал, игрок и охотник²⁸.

Вырос Г. М. Толстой в дворянской семье Михаила Львовича и Евдокии Савельевны Толстых (жена Толстого была прежде его крепостной). В 1825 г. М. Л. и Е. С. Толстые жили в собственном доме в Москве, у Пресненских прудов. Г. М. Толстой был знаком со старшим братом Н. М. Языкова П. М. Языковым (тоже симбирским помещиком); в 1834 г. собирался жениться на их сестре Екатерине²⁹ (в замужестве — с 1836 г. — Хомякова, жена известного славянофила). Близким родственником, двоюродным братом мемуаристу приходился замешанный в декабристском заговоре Василий Петрович Ивашев, бывший в 1825 г. ротмистром Кавалергардского полка и адъютантом графа П. Х. Витгенштейна. (Отцом декабриста был генерал-майор Петр Никифорович Ивашев, матерью — Вера Александровна Ивашева, урожд. Толстая.) Сестра В. П. Ивашева, Елизавета Петровна, жена П. М. Языкова (с 1824 г.), нелегально ездила к сосланному брату в Сибирь. (С ней и ее

мужем был также знаком Гоголь.) После Е. П. Языковой к Ивашеву в Сибирь ездил и Г. М. Толстой. Об этом он оставил воспоминания, напечатанные в 1890 г., «Поездка в Туринск к декабристу Вас. Петр. Ивашеву в 1838 г.» [Толстой]. Именно у своей двоюродной сестры Языковой-Ивашевой Григорий Толстой, будучи осенью 1841 г. в Дрездене, познакомился с М. А. Бакуниным.

Деды Е. П. Языковой и Г. М. Толстого, Александр и Лев Васильевичи Толстые, были родными братьями. А. В. Толстой в 1797–1799 гг. занимал пост симбирского губернатора. Дочь младшего брата Льва, Екатерина Львовна, в 1798 г. вышла замуж за И. Н. Тютчева и в 1803 г. стала матерью Ф. И. Тютчева. По этим родственным связям Григорий, или, как его еще звали, Грегуар Толстой, поддерживал отношения с дочерью поэта Екатериной Федоровной (Kitty Тютчевой); с Сушковыми, у которых та воспитывалась (родная сестра Тютчева Дарья Ивановна была замужем за Н. В. Сушковым); с еще одной дочерью Тютчева Анной Федоровной, женой И. С. Аксакова; а также с графиней Пелагеей Васильевной Муравьевой — дочерью Н. Н. Шереметевой (урожд. Тютчевой — тетки поэта), тещи декабриста И. Д. Якушкина, еще одной близкой знакомой Гоголя.

Бывший сотрудник Н. А. Некрасова писатель Н. В. Успенский, со слов неизвестного, сообщал о Г. М. Толстом:

«Человек хорошо образованный, богатый, изъездивший не раз Европу, Григорий Михайлович был сыном своего времени. Это был вполне человек сороковых годов, человек увлекающийся, страстный. По характеру своему он имел много общего с С. Т. Аксаковым. Так, одна страсть, одно увлечение беспрестанно у него сменяли другую. Он то пристращался к охоте и превращал свое жилище в какой-то военный, охотничий арсенал: все комнаты у него тогда увешивались и уставлялись ружьями, рогатинами, кинжалами, яг<д>ташами и прочими принадлежностями охоты; то он пристращался к растениям — цветам и деревьям. И вот, он жил как бы в оранжерее, с дорогими тропическими растениями и т. п. Все это, конечно, требовало больших денег, и он до того увлекался, что иногда спускал чуть не до гроша свое состояние, обременял себя долгами — но счастье, видимо, ему покровительствовало, и он неожиданно-негаданно получал откуда-нибудь наследство» [Успенский: 234–235].

Широко известны слова А. С. Пушкина о герое «Кавказского пленника»:

«Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (письмо к В. П. Горчакову 1822 г.) [Пушкин: Т. 13, 52].

Сходное выражение употребил позднее в одной из своих статей известный поэт и критик, друг Пушкина и Гоголя, славянофил С. П. Шевырев. Статья, написанная им в 1841 г., была посвящена только что появившемуся тогда роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». «Преждевременная старость души», изображенная впервые Пушкиным в «Кавказском пленнике», получила в интерпретации Шевырева 1841 г. определение «собачьей старости» — по народному названию детского заболевания, при котором больной становится похож на старую собаку (медицинское название болезни — *прогерия*). Имея в виду Печорина, Шевырев писал:

«...что ж это за мертвец 25-летний, увядший прежде срока? Что за мальчик, покрытый морщинами старости? <...> Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости: это вечный голод тела, которое ничем насытиться не может. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная — *скука* — вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. <...> Евгений Онегин, участвовавший несколько в рождении Печорина, страдал тою же болезнию <...>. Главный же корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры» [Шевырев: 527–529, 532].

Парадоксально, но именно негативные черты созданных Пушкиным и Лермонтовым «байронических» типов стали в светском обществе предметом «культового» подражания. Всю свою жизнь Грегуар Толстой, подобно еще одному единомышленнику Белинского, И. С. Тургеневу, стремился походить на Евгения Онегина. В. А. Панаев (двоюродный брат западника И. И. Панаева) вспоминал:

«...в Тургеневе заметна была <...> ходульность, <...> замечалось желание рисоваться <...>. В то время и Евгений Онегин Пушкина

служил образцом для молодых людей, находившихся в условиях, подобных тем, в которых находился Тургенев, и потому, весьма натурально, что он желал походить на героя Пушкинской поэмы. <...> В нем было столько общего по всем условиям с Онегиным, что его можно было признать за родного брата Пушкинского героя, как и Григория Михайловича Толстого <...> они, можно сказать, выдержали более или менее эту роль до конца жизни» [Панаев: 485–486].

Себя Толстой называл «либеральным человеком Николаевского времени» [Виноградов, 2013: 559]. О декабристском заговоре он вспоминал:

«Боже мой, Боже мой, что это было за время! В редком доме не оплакивали отца, сына, племянника, мужа, брата или друга, а между тем в них же проклинали бунтовщиков! Мне не раз удавалось слышать такие рассуждения: “Да! Надо сознаться, что люди окончательно развратились! Подумайте, кто у нас бунтует? Нищие, оборванцы, что ли? Пьяницы, Санкулоты что ли? — Нет, сударь, нет! Первые Русские фамилии: Князья Одоевские, Волконские, Голицыны, Оболенские, Графы Чернышове! Да и кого тут нет? Все лучшие фамилии замешаны в этом проклятом заговоре! А спросить бы их, чего им не доставало? Мы сами Князьки, мы сами Царьки! Так нет, этого мало — будем бунтовать!»³⁰ У меня тоже племянника взяли, славный был малый; но признаюсь, что мне не столько жалко, сколько садка (т. е. досадна, огорчительна. — *И. В.*) вся эта проклятая история”. Для исторической верности скажу, что эти слова произнесены были при мне родною теткою Василия Петровича Ивашева» (имеется в виду либо Дарья Никифоровна Ивашева, в замужестве Родионова; либо Христина Никифоровна Ивашева, в замужестве Лихарева) (цит. по: [Виноградов, 2013: 559]).

С Гоголем Г. М. Толстой познакомился за четыре года до совместного проживания в Мангейме. Их встреча состоялась в начале 1840 г. в Москве у С.Т. Аксакова. В числе гостей были также Ю. Ф. Самарин и граф В. Ф. Соллогуб. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» вспоминал:

«...в субботу <6 января 1840 г.>, обедал у нас Гоголь с другими гостями; в том числе был<и> Самарин и Григорий Толстой, давнишний мой знакомый и товарищ по театру, который жил в Симбирске и приехал в Москву на короткое время и которому

очень хотелось увидеть и познакомиться с Гоголем. <...> Гоголь опять делал макароны и был очень весел и забавен. Соллогуб <...> ел за троих...» [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 388].

Последовавшая спустя четыре с половиной года встреча Толстого с Гоголем в Мангейме была, по-видимому, случайной. В 1863 г. Толстой (проживавший тогда в своем имении, селе Левашово Спасского уезда Казанской губернии) вспоминал:

«Давно, очень давно; прошло более 20 лет с тех пор, как на Рейне, в Мангейме <...> я провел несколько незабвенных дней с Ник<олаем> Вас<ильевичем> Гоголем. Боже мой! Что было это для меня за счастливое время! <...> Я заговорил о Гоголе только потому, что мне сегодня пришли на память слова его и возбудили, наконец, во мне желание, — или, вернее, решимость, — писать мои записки.

— Что вы не пишете? — сказал мне Гоголь. — В вас есть что-то очень похожее на талант, только, кажется, привычки писать вы не имеете; а привычка эта приобретает следующим образом: дайте себе слово писать каждый день хоть по несколько строк, но непременно каждый день; даже когда вы в дороге, и тогда берите с собою маленькую тетрадку, да карандаш — и хоть что-нибудь напишите.

— Хорошо писать, — сказал я Гоголю, — когда есть мысли в голове, но бывают такие дни или часы, в которые, по крайней мере мне, ничего в голову не лезет. Что тогда будешь делать?

— Как это? — сказал Н<иколай> В<асильевич>. — Вы все-таки пишете. — Ну, начните хоть так: ничего мне в голову не лезет! Что ж мне делать, что ничего в голову не лезет? Да от чего ж это уж ничего мне в голову не лезет? Да только точно ли ничего мне в голову не лезет?.. И наконец вы дойдете до того, что что-нибудь вам в голову и влезет» [Виноградов, 2013: 558–559].

Этими строками исчерпываются упоминания Толстого о Гоголе в его мемуарах. То, что Гоголь побуждал Толстого заняться хоть каким-нибудь делом — «писать каждый день хоть по несколько строк», косвенно подтверждается тем, что посвятить себя этому занятию писатель советовал не ему одному, но и многим своим знакомым и друзьям — С. Т. Аксакову, М. С. Щепкину, графу В. Ф. Соллогубу, Ф. В. Чижову, Н. М. Языкову³¹.

Тогдашний визит самого Гоголя в Мангейм тоже ничем не примечателен. После переезда оттуда в Баден Гоголь 19 июня (н. ст.) 1844 г. писал В. А. Жуковскому:

«Я <...> пробыл в Мангейме для того, чтобы рассмотреть и расспросить, правда ли то, что говорят будто бы в Мангейме лучше и дешевле жить <...>. Дома здесь устроены очень хорошо, с комфортами <...>. Это единственный немецкий город, который не воняет <...> все улицы в тротуарах, которые весьма чисто вымощены плитами. Наконец сад великолепный <...>. Притом местоположение вокруг раздольное и горизонту много, а Рейн здесь великолепен» (XII; 419–420).

Несмотря на очевидную малозначительность встречи Гоголя в Мангейме с Г. М. Толстым, есть нечто, что сообщает ей безусловный интерес. Любопытно то, что незадолго до мангеймской встречи с Гоголем Толстой виделся в Париже с М. А. Бакуниным и В. П. Боткиным, завязал там знакомство с И. И. Панаевым и, что еще любопытнее, — тогда же познакомился (и несколько раз встречался) с К. Марксом, «будущим главой интернационального общества», на которого произвел сильное впечатление. По свидетельству П. В. Анненкова, Толстой будто бы говорил тогда Марксу о намерении продать свои обширные имения и «бросить» весь свой капитал «в жерло предстоящей революции» [Анненков, 1880: 496]. В марте 1844 г. Бакунин писал о Г. М. Толстом знакомому Маркса, немецкому публицисту Ф. Бернайсу:

«Милый Бернайс. Толстой хотел еще вчера пойти со мной к вам, но ему что-то нездоровится. Он просит вас сегодня вечером между 7 и 12 зайти к нему. Будут также Гервег, Маркс и компания» (цит. по: [Чуковский, 1949: 387]).

24 марта 1844 г. немецкий писатель и политик А. Руге сообщал своему дрезденскому приятелю Г. Кёхли:

«Вчера мы, немцы, русские и французы, обедали вместе, чтобы поближе рассмотреть и обсудить наши дела; русские: Бакунин, Боткин, Толстой (эмигранты — демократы, коммунисты); <немцы:> Маркс, Риб<б>ентроп, я и Бернайс; французы: Леру, Луи Блан, Феликс Пиа и Шёлхер. В общем мы прекрасно столковались...» (цит. по: [Чуковский, 1949: 387])³².

Спустя три года, 26 октября 1847 г., сам Маркс писал Г. Гервегу: «Я просил бы тебя узнать у Бакунина, каким путем, по какому адресу и каким образом я могу переправить письмо Толстому» [Маркс, Энгельс, 1962: 419]. 3 ноября 1847 г. Гервег отвечал: «Адрес Толстого такой: Казань, Казанская губерния» (цит. по: [Чуковский, 1949: 387]).

Бакунин, имея в виду Г. М. Толстого, писал о нем своему брату Павлу:

«...я не знаю демократа, которого мог бы сравнить с ним, потому что то, что в других — слова, теории, системы, слабые предчувствия, то стало в нем жизнью, страстью, религией, делом!..» (цит. по: [Чуковский, 1949: 372]).

Немецкий социалист К. Грюн, вспоминая, в свою очередь, о Бакунине, замечал:

«Я познакомился с Михаилом Бакуниным в середине 40-х годов в Париже. Тогда все стремления были однородны, <...> задача состояла в том, чтобы разрушить старое, и на его место водворить нечто новое, великое — точно не знали, что именно. Русские радикалы, смелостию превосходившие всех других, импонировали особенно... <...>. Если эти русские шли так далеко, чего же не могли ждать мы, остальные! <...> Бакунин и прочие русские — из них я припоминаю еще одного <...> Толстого, <...> не занимались в сущности ничем, кроме чтения газет; они превращали ночь в день и день в ночь» (цит. по: [Богучарский, Гершензон: 186]).

Весной 1846 г., по приезде из-за границы в Петербург, Толстой свел знакомство с Н. А. Некрасовым, Ф. М. Достоевским, Д. В. Григоровичем и другими писателями, входившими в ту пору в кружок В. Г. Белинского. В. А. Панаев сообщал:

«Зиму 1845 года Ив<ан> Ив<анович> <Панаев> провел за границей и, вернувшись оттуда, поехал в деревню, откуда прибыл в Петербург уже осенью того же года. Тогда опять начали собираться у него литераторы и знакомые. В это время появились три новые литературные личности, а именно: Некрасов, Достоевский и Григорович. Среди знакомых появилось новое для литературного кружка лицо: Григорий Михайлович Толстой, которого я знал с детства... <...>. Толстой проводил постоянно время за границей, где и познакомился с ним Ив<ан> Ив<анович>. Он только что приехал оттуда и жил некоторое время в Петербурге,

до отъезда в свою деревню Новоспасское, Казанской губернии, Лаишевского уезда, куда и пригласил на лето Ив<ана> Ив<ановича> с женой, а также Некрасова, для дивной охоты на дупелей, которые водились в неисчислимом количестве в окрестностях означенной деревни. Во время пребывания в этой деревне Ив<ан> Ив<анович> решал вопрос об издании “Современника” и заключил по этому делу союз с Некрасовым» [Панаев: 490–491].

В то время, в мае 1846 г., когда Некрасов и Панаевы гостили у Толстого в селе Ново-Спасском, последний обещал внести 25 тысяч рублей в первоначальный фонд задуманного журнала. Обещания своего Толстой не выполнил, после чего Некрасов прекратил с ним отношения. 19 февраля 1847 г. Белинский сообщал И. С. Тургеневу:

«...так как Толстой, вместо денег, прислал им только вексель, и то на половинную сумму, и когда уже и в деньгах-то журнал почти не нуждался, — то он и отстранен от всякого участия в “Современнике”, а вексель ему возвращен» [Белинский: Т. 12, 335].

Позднее Некрасов вывел Г. М. Толстого в романе «Три страны света» (1848–1849) в образе богатого помещика Данкова, с жаром рассуждающего о «благородной деятельности», но «медлящего» приводить свои «общепользные планы» в исполнение³³.

В 1846 г. Г. М. Толстой, вероятно, еще будучи за границей, составил рекомендательное письмо к Марксу для П. В. Анненкова (последний тоже был обладателем симбирских поместий). (На основании цитированных выше воспоминаний В. А. Панаева К. И. Чуковским возвращение Г. М. Толстого из-за границы было отнесено к осени 1845 г.³⁴ Однако Анненков, выехавший за границу 8 января 1846 г. — и, в частности, останавливавшийся в Берлине, — сообщал, что встретился с Толстым где-то «по дороге в Европу» [Анненков, 1880: 496], — так что в Петербург последний, вопреки свидетельству В. А. Панаева, прибыл, вероятно, лишь к весне 1846 г. В 1919 г. Д. Б. Рязанов замечал: «Встретился ли он <Анненков> с Толстым в Берлине или в другом германском городе, теперь нет никакой возможности установить» [Рязанов, 1919: 53]. Однако в 1928 г. исследователь изменил свое мнение и полагал, что встреча Анненкова с Толстым «по дороге в Европу» «имела

место либо в Москве, либо в Петербурге» — «в кругу “людей сороковых годов”» [Рязанов, 1928: 46]. Между тем рекомендательное письмо к К. Марксу, составленное Толстым для Анненкова при их встрече, традиционно датируется 1846 г.³⁵ Вероятно, указанное письмо было составлено в феврале 1846 г.)

Следует иметь в виду, что направлявшийся к Марксу, по рекомендательному письму Толстого, Анненков, еще будучи юношей, с осени 1833 г. посещал кружок Гоголя в Петербурге (и уже тогда получил от Гоголя прозвище Жюля Жанена — имя одного из представителей уже в то время нелюбимой Гоголем «неистойой» французской словесности). Позднее, в 1841 г., Анненков некоторое время жил рядом с писателем в Риме — но другом ему так и не стал. Гоголь относил Анненкова к «господам, до излишества живущим в Европе» (XV; 443). Впоследствии Анненков написал мемуары о Гоголе, в которых силился доказать, вопреки фактам, «правоту» Белинского в истолковании Гоголя³⁶.

С письмом Толстого Анненков в марте 1846 г. явился к Марксу в Брюссель. В рекомендательном письме Толстой писал Марксу:

«Мой дорогой друг. Рекомендую Вам господина Анненкова. Этот человек должен понравиться Вам во всех отношениях. Достаточно увидеть его, чтобы полюбить. Он расскажет Вам обо мне. Не имею возможности в настоящее время высказать Вам все, что хотел бы, так как через несколько минут уезжаю в Петербург. Примите уверения в искренности моих дружеских чувств. Прощайте и не забывайте вашего истинного друга Толстого» (цит. по: [Чуковский, 1949: 387])³⁷.

Позднее сам Анненков в мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» (1880) сообщал:

«...с февраля 1846 г. <я> находился за границей. <...> по дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к известному Марксу от нашего степного помещика, также известного в своем кругу за отличного певца цыганских песен, ловкого игрока и опытного охотника. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с учителем Лассалья и будущим главой интернационального общества; он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу

водворения экономического порядка в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать все свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции³⁸. Далее этого увлечение идти не могло, — но я убежден, что когда лихой помещик давал все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед изумленным Марксом <...>. Немудрено, однако же, что после подобных проделок как у самого Маркса, так и у многих других сложилось и долгое время длилось убеждение, что на всякого русского, к ним приходящего, прежде всего должно смотреть как на подосланного шпиона³⁹ или как на бессовестного обманщика. А дело между тем гораздо проще объясняется, хотя от этого и не становится невиннее.

Я воспользовался, однако же, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находился еще в энтузиастическом настроении, — и был принят Марксом в Брюсселе очень дружелюбно. Маркс находился под влиянием своих воспоминаний об образце широкой русской натуры, на которую так случайно наткнулся, и говорил о ней с участием, усматривая в этом новом для него явлении, как мне показалось, признаки неподдельной мощи русского народного элемента вообще. <...>

С первого же свидания Маркс пригласил меня на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с портным Вейтлингом, оставившим за собой в Германии довольно большую партию работников. Совещание назначалось для того, чтобы определить по возможности общий образ действий между руководителями рабочего движения. Я не замедлил явиться по приглашению» [Анненков, 1880: 492, 496–497].

Около 5 апреля 1846 г. Маркс писал Г. Гейне из Брюсселя в Париж:

«Дорогой Гейне! Я пользуюсь проездом подателя этих строк, г-на Анненкова, очень любезного и образованного русского, чтобы послать Вам сердечный привет» [Маркс и Энгельс, 1962: 393].

Примечательно свидетельство Анненкова, что, Толстой, отдавая ему в 1846 г. рекомендательное письмо в Брюссель, «находился еще в энтузиастическом настроении» от встреч с Марксом весной 1844 г. Если «энтузиастическое» настроение «пылкого помещика» не иссякло и спустя почти два года

после общения с Марксом в Париже, то тем более его можно предположить вскоре после парижских встреч, в июне того же года, по приезде Толстого в Мангейм. Возможно, какими-то впечатлениями о своем пребывании в Париже и встреч там с «Марксом и компанией» Толстой не преминул поделиться и с Гоголем.

Впрочем, на одобрение Гоголя Толстой вряд ли мог надеяться. Дружеского сближения между ними не могло быть уже по тому, что образ Онегина, который Толстой, вместе с Тургеневым, старательно примерял на себя, для Гоголя, как было отмечено, отнюдь не был образцом для подражания. Стремящийся «соответствовать» Онегину Толстой *этим* вызвать к себе симпатии у Гоголя не мог.

К близкому приятелю Толстого «философу из гусар» М. А. Бакунину, с которым те вместе навещали Маркса, Гоголь тоже, как указывалось, относился весьма иронично. 27 сентября (н. ст.) 1841 г. он, в частности, писал Н. М. Языкову:

«Дорожное спокойствие было смущено [несколько] перелазкой из коляски в паровой воз, где как сон в руку встретились Бакунин и весьма жесткие деревянные лавки. То и другое было страх неловко...» (XI; 354).

17 ноября того же, 1841 г. сестра Языкова Е. М. Хомякова общалась брату: «Гоголь представлял в лицах вас с Бакуниным» [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 606]. Спустя еще полтора года, 28 мая (н. ст.) 1843 г., Гоголь вновь писал Языкову:

«Здесь узнал я довольно печальную историю о Бакунине. Сей философ наделал просто глупостей и нынешнее его положение жалко. В Берлине он не ужился и выехал, куда не помню, как мне рассказывали, по причине, что не мог иметь никакого серьезного влияния. Вздумал он, с какою целью Бог ведает, для того ли, чтобы услужить новым философам Берлина и Шеллингу, написать в каком-то журнале статью на гегелистов, которых уничтожил вовсе и обличил в самом революционном направлении. Статья произвела негодование. Прусский король <Вильгельм II> запретил журнал и донес о сем русскому правительству. Бакунин должен был скрыться и теперь, говорят, в Цюрихе, всеконечно, без всяких обеспечений в будущем» (XII; 242).

Под «статьей на гегелистов» Гоголь подразумевал статью М. А. Бакунина «Реакция в Германии», напечатанную в октябре 1842 г. под псевдонимом «Jules Elysard» в журнале левых гегельянцев «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» (№ 247–251. 11–12 October). В статье Бакунин не «обличил», а, напротив, выступил в поддержку «гегелистов» за их «революционное направление». То есть Гоголь, очевидно, был о нем лучшего мнения.

Дальнейшая история общения Гоголя с «русскими приятелями Маркса и Энгельса» вновь возвращает нас к западнику Анненкову, рекомендованному Марксу Толстым. При случайной встрече с Гоголем в Бамберге в июле 1846 г. Анненков, по видимому, воодушевленный недавними разговорами с Марксом о «рабочем движении», вступил, судя по всему, с писателем в полемику о «пролетариате», на что Гоголь отвечал:

«...начали бояться у нас европейской неурядицы — пролетариата... думают, как из мужиков сделать немецких фермеров... А к чему это?.. Можно ли разделить мужика с землею?.. Какое же тут пролетариатство? Вы ведь подумайте, что мужик наш плачет от радости, увидав землю свою; некоторые ложатся на землю и целуют ее как любовницу. Это что-нибудь да значит?.. Об этом-то и надо поразмыслить». «Вообще, — добавлял Анненков, — он <Гоголь> был убежден тогда, что русский мир составляет отдельную сферу, имеющую свои законы, о которых в Европе не имеют понятия» [Виноградов. Летопись...: Т. 5, 342].

Далее в «Замечательном десятилетии» Анненков сообщал:

«Сношения мои с Марксом не прекратились и после выезда моего из Брюсселя. Я встретил его еще, вместе с Энгельсом, в 1848 году в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции, намереваясь изучать движение французского социализма, очутившегося теперь на просторе» [Анненков, 1880: 499–500].

Жизнь оказалась суровее прекраснотушных мечтаний. 4 июля 1848 г. Анненков писал брату Ивану из Парижа:

«...здесь четыре дня кряду происходила такая отвратительная, чудовищная резня, что решительно примера в истории подобного не было <...>. Кровь лилась рекою <...>. Уже считают более

10 тысяч убитых и раненых с обеих сторон: в числе первых 7 генералов и архиепископ парижский, приходивший увещевать бунтовщиков и ими расстрелянный. <...> все это страшно гадко, страшно отвратительно» (цит. по: [Морозов: 255–256]).

В статье «События марта 1848 года в Париже» (1862) Анненков добавлял:

«Казалось, революция была сделана для того, чтобы показать, сколько таилось в Париже нищеты, физического безобразия, позорных промыслов и болезней; все это вышло из темных закоулков, где все это крепко держала дотоле полиция...» [Анненков, 1862: 275].

Гоголь 24 сентября 1848 г. сообщал А. С. Данилевскому:

«В Петербурге я успел видеть <...> Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, — просто страх: совершенное разложение общества» (XV; 123).

Так на практике претворялась теория, содержание которой Гоголь обозначил еще в 1847 г. в неотправленном письме к Белинскому, говоря о «нынешних ком<м>унистах и социалистах, объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние» (XIV; 388). («Глубина» такого понимания Евангелия сродни упоминаемому Гоголем во втором томе «Мертвых душ» агитационному тезису «каких-то бродяг», внушавших мужикам, будто «наступает такое время, что мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики». — V; 476–477.)

Завершая письмо к Данилевскому о «происшествиях» в революционной Франции 1848 г., Гоголь писал:

«Никто не в силах вынести страшной тоски этого рокового переходного времени. И почти у всякого ночь и тьма вокруг. А между тем слово *молитва* до сих <пор> еще не раздалось ни на чьих устах» (XV; 123).

Это убеждение Гоголь высказал позднее еще раз, по поводу тех же событий 1848 г., находясь в 1851 г. в Одессе. Запись об этом сохранилась в дневнике одесской знакомой Гоголя

Е. А. Хитрово. Имея в виду «надежды на улучшение», которые связывали с революцией во Франции «не одни женщины <...>, но и умные, пламенные люди», Гоголь заметил: «...откуда же это придет? Не от людей же?», — и тут же на свой вопрос ответил: «От милосердия» [Виноградов. Летопись...: Т. 7, 20].

Точным комментарием к словам Гоголя о спасительном «милосердии» могут служить еще два его письма, где эта мысль звучит предельно отчетливо. 5 июня 1849 г. он писал К. М. Базили:

«Время беспутное и сумасшедшее. <...> Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, как законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный свой фундамент. <...> И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто Один строитель порядка!» (XV; 235).

В письме к А. О. Смирновой от 23 декабря 1850 г. Гоголь повторял:

«Много развевается холодного, безнравствен<ного> по белу свету. Много порывает<ся> отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все тверд<ые> основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли Коего не падет волос с главы, что Он превосходит всё неизмеримостью Своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, Он — высший разум, превыше всех наших ежеминут<но> ошибающихся<ся> умозаключений, — так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодарит<ь>. Молиться за всех, благодарить за всё» (XV; 383).

Однако содержание разговора Гоголя с Хитрово о французской революции не исчерпывалось утверждением веры в главную «надежду на улучшение». Из уст Гоголя в тогдашнем разговоре прозвучали еще слова, в которых заключался прямой намек и на неразумное, самозванное «хлестаковство» «умных, пламенных людей» — «объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества». Гоголь говорил Хитрово: «А что вышло на поверку? Они все пили и ели (1848 г. во Франции). <...> вообразили, что никто выше не будет, что великие люди не нужны» [Виноградов. Летопись...: Т. 7, 19]. Обобщающее «пили

и ели» — как смысл существования революционной Франции — перекликается, с одной стороны, с репликой Хлестакова из второго действия «Ревизора»: «Как же они едят, а я не ем? <...> Ведь для того и живешь, не правда ли?» [Гоголь, 1951: Т. 4, 31, 469]; с другой, — представляет собой, вместе с заявлением, что «великие люди не нужны», очевидную реминисценцию заметки А. С. Пушкина «О вечном мире» (1821), рассматривавшего мысли Ж.-Ж. Руссо 1760 г. по поводу «Проекта вечного мира» (1712) французского аббата Ш.-И. де Сен-Пьера:

«Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как и стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными. <...> Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала...» [Пушкин, 1978: 363, 532].

Сохранилось пространное послание Маркса к Анненкову от 28 декабря 1846 г. [Маркс и Энгельс, 1962: 401–412]⁴⁰, которое в советское время все студенты должны были изучать на уроках марксизма-ленинизма⁴¹. Обязаны мы этим «важным теоретическим документом научного коммунизма»⁴² хлестаковско-ноздревскому поведению во всей этой истории московско-мангеймского знакомого Гоголя Г. М. Толстого, «либерального человека Николаевского времени».

5

В 1880 г. Ф. М. Достоевский писал:

«...Пушкин первый <...> отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества <...>. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецькие <...>. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаванием болезни нашей...» [Достоевский: Т. 26, 129–130].

Вслед за Пушкиным свой диагноз болезни «лишних людей» составил и Гоголь. Болезнь оппозиционного радикализма

писатель наблюдал не только в убежденных западниках, но и в своих близких друзьях-славянофилах. В частности, это относится к К. С. Аксакову, который, несмотря на свои славянофильские взгляды, сохранял (как, впрочем, и вся семья Аксаковых) изрядную долю оппозиционности. Вдобавок к этому Константин Аксаков имел также пристрастие к западной «учености». Все это до определенной степени по-прежнему объединяло его с его бывшим московским приятелем Белинским. Гоголь, обличая увлечение Константина Аксакова «немецкой философией», сказавшееся, в частности, в его ученой диссертации, 21 декабря (н. ст.) 1844 г. писал его отцу, Сергею Тимофеевичу:

«Черты ребячества и черты собачьей старости будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» (XII; 545).

Возможно, Гоголю было известно уже упомянутое нами определение, данное Шевыревым в 1841 г. лермонтовскому Печорину как больному, страдающему «собачьей старостью». Однако Гоголь, вынося сходный приговор диссертации Аксакова, обнаружил прямую связь этого народного выражения с образом одного из собственных произведений — поэмы «Мертвые души». Возможно, Гоголь раньше и независимо от Шевырева размышлял о «собачьей старости» «онегинского» русского общества. О труде Аксакова Гоголь писал:

«...тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. <...> Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге...» (XII; 544–545).

Сходный образ встречается в описании имения Плюшкина в первом томе поэмы:

«...наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги. Почему у Прошки были такие большие сапоги, это можно узнать сейчас же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги <...>»

Всякий призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул из окошка в осеннее время <...>, то бы увидел, что вся дворня делала такие скачки, какие вряд ли удастся выделывать на театрах самому бойкому танцовщику» (V; 120).

Сапоги не ради сбережения «собственной подошвы», а лишь напоказ — эту приметку «просвещенности» Гоголь изобразил еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Заколдованное место», герой которой тоже пользуется сапогами не по прямому их назначению, но исключительно для соответствия приличиям «порядочного общества»⁴³:

«А дождь пустился, как будто из ведра.

Вот, скинувши новые сапоги и обернувши в хустку, чтобы не покорибились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец» (I/II; 274–275).

Понятие «собачьей старости» приложимо и к образу самого Плюшкина. Применимо оно к герою именно как характерная черта западного влияния⁴⁴. В черновой редакции «Мертвых душ» в описании плюшкинского дома встречается следующее упоминание о Европе:

«Дождь и время отвалили во многих местах со стен щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу...» [Гоголь, 1951: Т. 6, 305].

Ключевой приметой в образе Плюшкина является его комната, заваленная старым хламом. По-видимому, не случайно Гоголь по поводу разносчика, «забросавшего комнату товарами», однажды сказал:

«Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать» [Виноградов. Летопись...: Т. 6, 556].

Сходным образом в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он замечал, что в «нынешнее» время в Россию «нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу» (VI; 195).

Близки к гоголевскому употреблению выражения «собачья старость» (в переносном смысле) и слова С. С. Уварова в известном⁴⁵ Гоголю «Письме к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре» (1813), где говорится, что при подражании французской словесности «наша Поезия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу»⁴⁶.

Позднейшее суждение Гоголя о подверженности западному влиянию как «собачьей старости» дошло до нас в дневниковой записи Е. А. Хитрово от 30 ноября 1850 г.:

«Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости» [Виноградов. Летопись...: Т. 6, 580].

По-видимому, это окончательный приговор Гоголя тому слепому подражанию западному образу жизни, которым было заражено «онегинское» общество в XIX в., — и последний диагноз распространившейся не без участия байронического эгоизма Онегина и Печорина болезни радикального западничества.

Своеобразную аналогию к парадоксальному «старческому» итогу, перед которым оказалось русское «образованное» общество в XIX в. вследствие неразумного подражания Западу, Гоголь находил в Римской истории. Самой этой аналогией между современностью и римским прошлым он, вероятно, был обязан создателю «Евгения Онегина». Пушкин в период общения с Гоголем летом 1831 г. в Царском Селе (куда они выехали от свирепствовавшей в Петербурге холеры) писал, в частности, П. А. Осиповой, своей соседке по Михайловскому, о холерных бунтах:

«Знаете ли вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? <...> Император отправился туда и усмирил бунт с поразительным мужеством и хладнокровием» [Пушкин: Т. 14, 201, 432–433 (пер. с фр. яз.)].

21 августа 1831 г. Осипова отвечала поэту:

«...до тех пор, пока храбрый Николай будет придерживаться военных приемов управления, дела будут идти всё хуже и хуже.

Должно быть, он читал невнимательно или вовсе не читал “Историю восточной римской империи” Сегюра. (И многих других авторов, писавших о причинах падений империй.)» [Пушкин: Т. 14, 212, 435 (пер. с фр. яз.).]

Возможно, Пушкин познакомил тогда Гоголя с содержанием своей переписки. Во всяком случае анализу причин, приведших к разрушению Римской империи, Гоголь посвятил в 1834 г. самую первую из своих университетских лекций по истории Средних веков, которую так и назвал: «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее». Гоголь, как бы прямо в ответ на критику пушкинской корреспондентки в адрес Государя, замечает, что «управление» не достигшей зрелости империей «могло быть только в руке одного и с оружием в руках» [Гоголь, 1952: Т. 9, 107]. Далее Гоголь вновь обращается к проблеме «мятежей» и называет главные причины «разъединения государственных стихий», «взаимного сильного ожесточения между гражданами» и окончательного падения империи: беспорядочное заимствование, «всеобщий эгоизм», «жажду к наслаждениям» и — преждевременную старость. Гоголь пишет:

«Нацию преобладающую составляли римляне, народ <...> еще <...> не достигший развития жизни гражданской. [Этот народ увидел <...> государство с просвещением, испорченною нравственностью, изобилием, естественною промышленностью и жадно бросился перенимать.] Все, что заимствовал он <...>, было блестящее и наружное — роскошь, без утонченного образа мыслей, понятий и жизни этих народов. Он сократил свой собственный переход и, не испытав мужества, прямо из юношеского состояния перешел к старости» [Гоголь, 1952: Т. 9, 107, 598].

Приговор, вынесенный Гоголем древнему миру, вполне соответствует его определению современного «обезьянства» как «собачьей старости».

Еще одно тогдашнее произведение Гоголя, посвященное крушению обширной империи — «грозного калифата», «великой империи <...> магометанского мира» (VII; 349) — статья-лекция «Ал-Мамун» (1834). Проблема пагубного, разрушительного радикализма рассматривается здесь с неожиданной,

но все-таки знакомой стороны. Называется еще одна из причин происхождения «оппозиционного фанатизма» — «космополитическое» отвлечение правителя, арабского калифа Ал-Мамуна, от реального управления молодой, полной «энтузиазма» страной — и вполне «плюшкинское» накопление бессмысленных схоластических знаний:

«Багдад превратился в республику разнородных отраслей познаний и мнений. <...> Для араба поле подвигов было заграждено этим бесплодным чужестранным просвещением» (VII; 350–352).

«Космополитическое» забвение интересов собственной страны, будучи почерпнуто из исторического «далека», прямо указывает на особенности современной Гоголю эпохи, а именно — на то непростое в религиозно-политическом отношении время, которое он провел в период обучения в Нежинской гимназии. Именно поэтому для понимания особой гоголевской позиции в отношении к «космополитизму» и «оппозиционному фанатизму», упоминаемых в «Ал-Мамуне», необходимо воссоздание полного исторического контекста гоголевского времени. В игнорировании исторической перспективы заключается, кроме обстоятельств сугубо идеологического характера, еще одна из причин, по которым исследователи советского периода усматривали в Гоголе сторонника Белинского и даже старались подкрепить данное мнение будто бы имевшимися на этот счет «фактическими» основаниями. («Рецидивы» подобных идеологизированных попыток встречаются и донныне.) Так, Г. М. Фридлиндер в 1952 г., ставя под сомнение политическую лояльность писателя, заявлял, что в черновой редакции статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине» содержится «ярко-сочувственная характеристика вольнолюбивой лирики молодого» поэта, вследствие чего «эти горячие слова в защиту декабристской вольнолюбивой лирики Пушкина» (имеющие, по мнению советского комментатора, «решающее значение для понимания всего мировоззрения Гоголя в период создания “Арабесок”»), были якобы «по цензурным соображениям» исключены из печатного текста статьи [Фридлиндер: 757].

Вопреки этим идеологическим спекуляциям, мысль Гоголя в статье о Пушкине куда более глубока и напрочь лишена

того политического радикализма, который ей приписан. Напротив, фрагмент, оставшийся в черновике статьи, заострен не на одобрение, а на сугубое обличение «вольномыслия». Первой задачей, которую решает Гоголь в статье, является *защита* Пушкина от обвинений в вольнодумстве. Имея в виду первоначальный период пушкинской деятельности (закончившийся южной ссылкой поэта), Гоголь с первых строк статьи утверждает, что *не* вольнодумство, но лишь юношеские «разгул и раздолье, к которому иногда, позабывшись, стремится русский и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет» (VII; 274). В исключенном фрагменте Гоголь добавлял:

«...если сказать истину, то его стихи воспитали и образовали истинно-благород<ные> чувства несмотря на то, что старики и богомольные тетушки старались уверить, что они рассеивают вольнодумство, потому только, что смелое благородство мыслей и выражения и отвага души были слишком противоположны их бездейственной вялой жизни, бесполезной и для них, и для государства» [Гоголь, 1952: Т. 8, 602].

Очевидно, этими словами Гоголь отводит упреки в вольнодумстве не только от Пушкина, но и от всего молодого поколения, увлекавшегося его поэзией, — в том числе, и возможные упреки в собственный адрес.

Как известно из признаний самого Гоголя, «внутренне», в главных своих убеждениях он не изменялся никогда — шел «тою же дорогою», «не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных», «с 12-летнего, может быть, возраста» (т. е. от самого поступления в Нежинскую гимназию в 1821 г.)⁴⁷. Между тем даже современный, свободный от прежнего идеологического диктата комментатор С. Г. Бочаров ставит гоголевское оправдание молодого поколения в статье «Несколько слов о Пушкине» в прямую связь с воспоминаниями Гоголя о нежинском «деле о вольнодумстве» 1826–1830 гг., а под «стариками и богомольными тетушками» предлагает видеть «преследователей либерального профессора» Н. Г. Белоусова (осужденного личным распоряжением Императора по завершении этого дела) (см.: [Бочаров: 679]). По словам этого исследователя, в исключенном отрывке Гоголь «берет под

защиту» «непечатные стихи молодого Пушкина» [Бочаров: 679]. Это заявление не соответствует действительному содержанию гоголевской статьи. Такие стихи в ней совсем не упоминаются; здесь говорится лишь о приписываемом Пушкину «множестве самых нелепых стихов» — творений «досужих марателей» (VII; 275), которые Гоголь отнюдь не «берет под защиту», а, напротив, отвергает их принадлежность Пушкину. Последующее рассуждение С. Г. Бочарова о «защите» Гоголем «непечатных стихов» Пушкина является не более чем произвольным вымыслом комментатора. Вслед за Г. М. Фридлендером, упомянутый исследователь вновь, вопреки содержанию гоголевской статьи (и признаниям самого Гоголя), навязывает писателю (хотя бы в нежинский период) либеральные взгляды — тогда как сам Гоголь в статье определенно настаивает лишь на юношеских «разгуле и раздолье» — на полных сил отваге и смелости, и «жажде необыкновенного», которые были свойственны его сверстникам, читавшим пушкинские стихи:

«Смелое более всего доступно, сильнее и просторнее раздвигает душу, а особливо юности, которая все еще жаждет одного необыкновенного» (VII; 275).

«Смелей! Ибо в конце дороги Бог и вечное блаженство!» — писал Гоголь позднее в «Правиле жития в мире» (VI; 302). Возможно, писатель подразумевал при этом слова св. апостола Павла, адресованные незадолго до его мученической кончины ученику Тимофею: «Не бо даде нам Бог духа страха, но силы...», а также призыв апостола «спострадать» ему, узнику, в евангельской проповеди (2 Тим. 1:7–8). Подмена этой трезвой, духовной «смелости», присущей христианским мученикам и исповедникам, пресловутым мятежным «вольнодумством» (которое будто бы лишь одно может претендовать на отвагу) неосновательно применительно к Гоголю уже потому, что в год создания статьи о Пушкине (1834) он сам подчеркнул принципиальную разницу между ними, изобразив в «Тарасе Бульбе» бесстрашного, до конца верного родине мученика Остапа и мятежного, трусливого предателя Андрия:

«Он, как подлый трус, спрятался за ряды своих солдат и командовал оттуда своим войском» (VII; 223).

Кроме того, еще в «Ганце Кюхельгартене», написанном в самый разгар «дела о вольнодумстве», Гоголь, как отмечалось, противопоставлял слабому неудачнику, роптателю Ганцу, своего «консервативного», «Небом избранного» деятеля, подчеркивая при этом такую же, не имеющую ничего общего с вольнодумством смелость героя — мужественную отвагу в осуществлении «великих трудов» на поприще «блага и добра»: «Для них он жизни не щадит» (I/II; 45). Как и в статье о Пушкине, речь в «Ганце Кюхельгартене» идет о полноте сил и манящем «поприще впереди» в образе персонажа, противопоставляемого Ганцу, сетующему на неудачи. Возможно, не случайна отмеченная еще советскими литературоведами⁴⁸ перекличка фамильного прозвища самого героя-неудачника, *Кюхельгартен*, с фамилией известного поэта-декабриста Вильгельма Карловича *Кюхельбекера*. (Имя *Вильгельм* также использовано в поэме, его носит «мызник» Вильгельм Баух, являющийся своего рода «двойником» Ганца. Именно «мызник» Вильгельм, женатый на «разумной хозяйке» Берте, беседует со своим тестем-пастором, перед сытным обедом, о судьбе восставшей Греции, где потом оказывается Ганц. Расставшись с романтическими иллюзиями, женившись на дочери Бауха, Ганц, очевидно, должен был повторить судьбу своего тестя, занять его место в «идиллических» сельских застольях. Баух (*нем.* Bauch) — чрево, живот.)

Поэт Кюхельбекер как участник декабристского заговора стал известен Гоголю, как и другим современникам, вероятно, уже спустя две недели после восстания, 29 декабря 1825 г., когда в «Санкт-Петербургских Ведомостях» его имя было упомянуто в числе зачинщиков⁴⁹. А спустя еще полгода арестованный декабрист в весьма нелюбимом виде предстал перед современниками в официальном «Донесении Следственной Комиссии», напечатанном 12 июня 1826 г. в военных ведомостях, газете «Русский Инвалид» (перепечатано в целом ряде других повременных изданий⁵⁰). Как сообщала газета, бежавший от расправы в Польшу «после первых пушечных выстрелов» на Сенатской площади Кюхельбекер, стремясь, тоже явно не от смелости, представить свое поведение 14 декабря как можно более лояльным, прибегнул на следствии ко лжи:

«...Кюхельбекер (Вильгельм) дерзнул обратить оружие на Великого Князя Михаила Павловича; матросы Гвардейского Экипажа, с коими он стоял (Дорофеев, Федоров, Куроптев), и в волнении мятежа уstraшенные сим покушением злодейства, отвели пистолет его. Кюхельбекер, однако же, уверяет, что он не хотел совершить удара, а притворно согласился на сие по вызову Ив. Пущина для того, чтобы не допустить к сему других, и зная, что пистолет его, измоченный снегом, не мог бы выстрелить: в доказательство прибавляет, что после он метил тем же пистолетом в Генерала Воинова, и пистолет осекся. (Пушин на вопрос Комиссии отвечал, что это ложь. Бывшие тут нижние чины говорят, что Кюхельбекеру указывал на *Великого Князя* не Пущин, а Порутчик Цебриков, но и он не признается в том)»⁵¹.

В скрытом уподоблении опального декабриста Вильгельма Кюхельбекера «слабому» Ганцу Кюхельгартену, вероятно, находит себе прямое объяснение позднейшее именование Гоголем другого его «оппозиционного» героя — «слабого», безвольного, с «декабристским» прошлым помещика Тентетникова, проявляющего постыдное малодушие при одном появлении незнакомого гостя, Чичикова:

«Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства. Надобно сказать, что в молодости своей он было замешался в одно неразумное дело» (V; 262).

Все это прямо означает, что уже в Нежине Гоголь критически относился к декабристскому заговору.

Первоначально герой носил фамилию Дерпенников. По предположению Л. Васильева, фамилия Тентетников происходит от украинского слова «тендітний» («нежный, тонкий»), встречающегося в «Старосветских помещиках» [Васильев: 225]. Слово это имеется и в гоголевском «Лексиконе малороссийском» из «Книги всякой всячины...»: «Тендітний, нежный» (IX; 573). Определение это вполне подходит к «нежному», романтическому Ганцу. Однако есть у Гоголя к слову «тендитный» и другой синоним. Так, вместо «тендитный да маленький» (I/II; 291), из характеристики, данной героиней «Старосветских помещиков» Пульхерией Ивановной кучеру отъезжающего гостя, в первоначальной редакции повести стояло «хилый» [Гоголь, 1937: Т. 2, 469]. В словаре «Малороссийских слов, встречающихся

в 1 и 2 томах» сочинений Гоголя издания 1842 г. также читаем: «Тендитный — слабосильный, нежный» (I/II; 502). Кроме того, к фамильному прозвищу героя второго тома, Дерпенникова-Тентетникова, по-видимому, имеет отношение оценка, данная Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями» «последним стихам» своего друга поэта Языкова, получившего в свое время, в годы его пребывания в *Дерпте*, европейское образование: «Его язык <...> был на тощих мыслях и бедном содержании, как панцирь богатыря на хилом теле карлика» («тендитном да маленьком»; курсив наш. — И. В.) (VI; 176). (Дерптско-германский университет, основанный в 1802 г. русским правительством и содержащийся за его счет, был, по словам Н. Я. Данилевского, «самым могучим орудием обнемечивания» Остзейского края [Данилевский: 408].) Примечательно, что слова о «панцире богатыря на хилом теле карлика» точно «совпадают» с ранее упомянутым гоголевским определением «онемеченных» мыслей в диссертации К. С. Аксакова — как «коротких ног в больших сапогах», а потому имеют отношение и к выражению «собачья старость». В характеристике Языкова Гоголь, несомненно, вновь затрагивает тему западного влияния.

Существенно также то, что слова о «панцире богатыря» и «карлике» следуют у Гоголя сразу после цитат из стихотворений Языкова «Д. В. Давыдову» (1835) (послание о 1812 годе) и «Дерпт» (1825). Отрывки из первого стихотворения, повествующие об исключительном, «неслыханном» народном самопожертвовании в войне 1812 года, представляют собой, по объяснению Гоголя, апогей «всего, что вызывает в юноше отвагу», «готовность ратовать за отчизну» (VI; 174–175), а цитата из «Дерпта», со своей стороны, призвана продемонстрировать юное богатырство поэта. И хотя последнее языковское стихотворение, в отличие от первого, патриотического, представляет собой явный образец юношеского подражательного вольнодумства (впервые оно было опубликовано в 1859 г. А. И. Герценом в «Полярной Звезде»⁵²), Гоголь, как и в статье о Пушкине, подчеркнута отводит от Языкова возможный упрек в вольномыслии. Намеренно *игнорируя* в действительности откровенно «оппозиционный» смысл языковского

стихотворения (из которого Гоголь приводит лишь две строки), он пишет:

«У него студентские пирушки не из бражничества и пьянства, но от радости, что есть мочь в руке и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

На благородное служенье
Во славу чести и добра» (VI; 175).

Цитируя эти строки, Гоголь даже невольно изменяет их — и весьма существенно. От «оригинальных», собственно языковских слов в гоголевском пересказе остается лишь одно. В своей интерпретации Гоголь наделяет героя «Дерпта» теми чувствами, какими вдохновляется идеальный деятель его собственной юношеской поэмы — «Желаньем блага и добра» (VII; 45). В стихотворении Языкова нет и слова «служенье», и приводимые Гоголем по памяти стихи читаются следующим образом: «И благородное стремленье / На поле славы и наук». Вместо «служенья» у Языкова — строки вполне вызывающие: «Мы здесь творим свою судьбу, / Здесь гений жаться не обязан / И Христа-ради не привязан / К самодержавному столбу!»⁵³.

Все это, даже крайняя «дерзость» языковского стихотворения, нисколько не останавливает Гоголя — не потому, чтобы он сочувствовал юному вольнодумству, но потому что он защищает молодость, ее непочатые силы и возможности как таковые, даже если чьим-то посторонним лукавым вмешательством они были направлены не так, как бы следовало. «...Справедливо ли <...>, если юношу, который по неопытности своей был обольщен и сманен другими, осудить так, как и того, кто был один из зачинщиков?» — замечает герой второго тома о Тентетникове, и в этих словах звучит, несомненно, голос самого Гоголя (V; 362).

Долгими размышлениями о драматическом контрасте между «силой» и «немощью» молодости и определяется особая тщательность Гоголя в выборе фамилии героя⁵⁴. Объясняется сама логика, побудившая писателя сначала назвать своего героя Дерпенников (с намеком на юношеское, подобное своему собственному, «богатырство» Языкова), а затем заменить эту фамилию на другую, с указанием на слабость, — Тентетников.

Неудивительно, что и в 1834 г. в статье о Пушкине несправедливый упрек в вольнодумстве — в «собачьей старости» — настолько неприятен Гоголю, что он *возвращает* его тем, от кого этот упрек исходит. Главная задача, которую решает он в этой статье, заключается не в оправдании политического радикализма, а в принципиальном размежевании с ним — во имя апологии «благородного» юношества как самой возможности построения той новой России, «главой» которой «уже Сам Христос» (VI; 131).

Для понимания гоголевской мысли следует иметь в виду, что под «стариками и богомольными тетушками», провоцирующими обвинения в адрес молодежи в вольнодумстве, Гоголь подразумевал не подлинно духовный, осмысленный «консерватизм» (или «антилиберализм»), но вполне определенный — «александровский» тип «набожности». «Школу» такой «набожности», кстати сказать, прошел и Уваров — в прошлом один из директоров Библейского общества, масон, сотрудник князя А. Н. Голицына. Особенность «консерватизма» александровской эпохи заключалась именно в том, что борьба с политическим и религиозным вольнодумством, распространявшимся в Европе, велась тогда с помощью официально внедряемого внеконфессионального «универсального христианства». С вынужденным уходом в отставку в 1824 г. князя Голицына — и упразднения его «сугубого» министерства — Министерства духовных дел и народного просвещения, — которое руководило тогда одновременно и церковной, и образовательной политикой, начала вольнодумства не без оснований были усмотрены в самом космополитическом мистицизме голицынского времени⁵⁵.

Лицемерная набожность — один из неизменных предметов гоголевского обличения. Достаточно указать на Ивана Ивановича Перерепенко из повести о том «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Подчеркнутая «богомольность» этого героя иронически «доказывается» в повести упоминанием о детях его ключницы Гапки — здоровой девки, «с свежими икрами и щеками» (I/II; 452), а также разговором его с нищей: «Чего же ты стоишь? ведь я тебя не бью!» (I/II; 453). В 1836 г. Гоголь в рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины

мира» (предназначавшейся для публикации в пушкинском «Современнике»), подразумевая такую же, напоминающую Ивана Ивановича, «набожность» александровской эпохи, писал:

«Все старики тогда читали душеспасительные книги <...> и <...> едва ли старики не обгоняли молодежь в своих домашних делах. Такой раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия. В 19 столетии масонские и другие секты <...> поддерживали существование подобных философских сочинений...» (VII; 494).

Прямое отражение этих «ранних» размышлений Гоголя находим в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в характеристике одного из героев европейского «полупросвещенья», лицемерного Фамусова из «Горе от ума» А. С. Грибоедова:

«Он и благопристойный степенный человек и волокита, и читает мораль, и мастер так пообедать, что в три дня не сварится. Он даже вольнодумец, если соберется с подобными себе стариками, и в то же время готов не допустить на выстрел к столицам молодых вольнодумцев, именем которых честит всех, кто не подчинился принятым светским обычаям их общества. В существе своем это одно из тех выветрившихся лиц, в которых, при всем их светском *comme il faut*, не осталось ровно ничего, которые <...> вредны обществу...» (VI; 184–185).

Этой характеристикой Гоголь выводит «на сцену» подлинного «вольнодумца» — взамен обвиняемого молодого поколения и всех тех, кого представители лицемерной, «универсальной» псевдо-«набожности» «честили» за неподчинение «светским обычаям их общества».

Поясняя свою мысль, Гоголь в статье «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» (1846), писал:

«Настоящее *comme il faut* (комильфо; *фр.*, *буквально*: как надо, как следует. — *И. В.*) есть то, которое требует от человека Тот Самый, Который создал его, а не тот, который приводит в систему обеда, <...> и не тот, который сочиняет всякий день меняющиеся этикетки...» (VI; 127).

В борьбу с этими общепринятыми «законами света», вытесняющими и подменяющими собой христианские заповеди, Гоголь также вступил уже с самых ранних своих произведений. Личным опытом, своего рода прививкой «собачьей старости», стали опять-таки школьные годы будущего писателя. В частности, в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (1832), в описании пребывания героя в поветовом училище, Гоголь упоминает о многократно переиздававшемся в конце XVIII — начале XIX в. учебном пособии, по которому учился сам в 1818–1819 гг. в уездном училище в Полтаве⁵⁶, — «О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской Империи»:

«Было уже ему без малого пятнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где <...> принялся <...> за книгу о должностях человека...» (I/II; 249).

(Хотя сам Гоголь поступил во второе отделение, или первый класс высшего отделения Полтавского поветового училища в девятилетнем возрасте, но среди его соучеников были и великовозрастные — четырнадцати- и пятнадцатилетние⁵⁷. Это обстоятельство тоже послужило оформлению последующего пристального внимания Гоголя к проблеме «недорослей» [Виноградов, 2000: 153–154]).

Значительное место в изучаемом Шпонькой школьном пособии отводится правилам светского этикета; одна из глав книги так и называется — «О благопристойности»; она посвящена изложению «правил благопристойности» в походке, стоянии, сидении, поклонах, в молитве, лице, одежде «и прочих вещах»⁵⁸. Очевидно, Иван Федорович Шпонька — так же, как впоследствии Павел Иванович Чичиков в «Мертвых душах» (будучи в свою очередь в классах городского училища) — «вдруг постигнул дух» своих начальников «и в чем должно состоять поведение» (V; 219). Он был «преблагонравный и престарательный мальчик»; «тетрадка у него всегда была чистенькая, кругом облинеенная, нигде ни пятнышка. Сидел он всегда смирно, сложив руки и уставив глаза на учителя» (I/II; 248). Подобная «благопристойность» не помешала, однако, Чичикову стать впоследствии мошенником.

Гоголь, по сути, настаивает на глубоком «родстве» мнимого консерватизма, показной «преблагонравности», с самым беззастенчивым и даже циничным «либерализмом». Поистине виртуозной по воплощению этой мысли является гоголевская характеристика еще одного героя Грибоедова, «глупого фрунтовика Скалозуба», исповедующего «философски-либеральный взгляд на чины <...> как необходимые каналы к тому, чтобы попасть в генералы», и при этом «консервативно» полагающего, что «весь мир можно успокоить, давши ему в Вольтеры фельдфебеля» (VI; 186). Не менее изощренной является авторская ирония в «богословской» реплике «консерватора» Городничего в «Ревизоре». Рассуждая о «грешках», про которые напомнил ему в предупредительном письме «кум» Чмыхов («...за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» — III/IV; 221), Городничий заявляет:

«...странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так Самим Богом устроено, и волтерянцы напрасно против этого говорят» (III/IV; 223).

В обескураживающей реплике Городничего мысль Гоголя читается вполне отчетливо. Подобное «консервативное богословие» едва ли не вольнодумнее самого «волтерянства».

Подстать Фамусову и Скалозубу, по оценке Гоголя, такой же беспринципный герой комедии Грибоедова «картежник» и «либерал» Загорецкий:

«Не меньше замечателен другой тип: отъявленный мерзавец Загорецкий, <...> лгун, плут, <...> мастер угодить всякому сколько-нибудь значительному <...> лицу доставленьем ему того, к чему он греховно падок, готовый, в случае надобности, сделаться патриотом и ратоборцем нравственности, зажечь костры и на них предать пламени все книги, какие ни есть на свете...» (VI; 185).

Еще об одной «трансформации» либерала в консерватора говорит герой гоголевских «Игроков»:

«Молодым бесится, так что невтерпеж другим, а под старость прикинется ханжой, так что невтерпеж другим» (III/IV; 385).

Само по себе причудливое переплетение консервативных и оппозиционных течений в развитии тогдашнего русского общества многое объясняет в непростой судьбе Гоголя как писателя. В 1847 г., отвечая на зальцбруннское письмо Белинского, он писал:

«Мне кажется даже, что не всякий из нас понимает *нынешнее время*, в котором так явно проявляется дух *построения полнейшего*, <...> всякая вещь просит и ее принять в соображение, старое и новое выходит на борьбу, и чуть только на одной стороне перельют и попадут в излишество, как в отпор тому переливают и на другой» (XIV; 411).

Подобные крайности противоборствующих партий ставили Гоголя, искренне стремившегося соответствовать правительственным начинаниям, в очень непростую ситуацию, заставляя его подчас, как заметил еще в 1916 г. протопресвитер В. В. Зеньковский (в одной из своих ранних работ), даже «юродствовать», когда «дух времени сего» выступал — и с той, и с другой стороны — против христианских заповедей⁵⁹.

Кардинальные представления Гоголя о подлинном и мнимом консерватизме, о том, что преданные не евангельским заповедям, а развращающим «законам света» лицемерные «консерваторы» Фамусовы, Загорецкие, богословствующие взяточники Городничие «вредны обществу», и являются ключом к пониманию размышлений писателя о пагубном «космополитическом» правлении арабского халифа Ал-Мамуна. «Космополитизм» этого правителя породил в его подвластных «оппозиционный фанатизм» — и даже послужил к возникновению ужасной «секты Карматианов, <...> свирепствовавшей под именем Сирийских Убийц во время Крестовых походов» (VII; 354; курсив мой. — И. В.). Гоголь подразумевает здесь исмаилитскую секту *ассасинов*, одурманивавших себя гашишем или опиумом перед битвой. Эта средневековая реалия оказалась настолько памятной, что даже оставила след в европейских языках. Во французском, английском, итальянском, испанском слово *убийца* ведет свое происхождение прямо от персидского *хашшиш*, то есть гашиш: *assassin* (фр., англ.), *assassino* (ит.), *asesino* (исп.).

Безусловно, Гоголю было хорошо известно об этом обыкновении «исступленных» сект. Про употребление опиума, добытого у безымянного «персиянина», говорится в еще одном произведении Гоголя той поры, повести «Невский проспект». «Исступленный» герой этого произведения, влюбленный «ужасно, разрушительно, мятежно» художник (III/IV; 25), во всем подобен страстному «оппозиционеру», «эстетически развитому» Андрию в «Тарасе Бульбе» — живущему по принципу «жизнь — копейка», клянущемуся погубить «все что ни есть» ради прекрасной панночки (I/II; 358). Оба этих героя одинаково отступают от своего высокого призвания, и отступление Андрия обнаруживается, еще до его предательства, в том, какое упоительное наслаждение он испытывает, словно одурманенный ассасин, от смертоносной, кровавой сечи:

«Бешеную негу и упоенье он видел в битве <...>, когда <...> летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный...» (I/II; 339).

Согласно размышлениям Гоголя, совершенно так же, как «космополитизм» Ал-Мамуна послужил возникновению зловещей секты «Сирийских Убийц», новейшее космополитическое голицынское «просвещение» явилось причиной оппозиционного движения декабристов, тайные намерения которых стали известны всей России уже спустя месяц после их выступления. Газета сообщала: «Происшествия 14-го Декабря обнаружили ужасный заговор. Люди, недостойные имени Россиян, составили его во мраке. Они умышляли умерщвление Императорской Фамилии...»⁶⁰.

Из содержания «Ал-Мамуна» следует, что, подобно разграничению подлинного и мнимого консерватизма, такое же разделение Гоголь применяет и к «оппозиционности», которая, по его убеждению, тоже может быть двух принципиально разных типов: либо преступная — направленная против законной власти и применяющая любые методы; либо благая и оправданная — «консервативная оппозиционность» — трезво, без «отчаянной дерзости» отстаивающая подлинные духовные ценности против мнимых консерваторов — скрытых вольнодумцев.

Эта мысль прямо воплощена Гоголем в упомянутом драматическом «Отрывке», в образе светской львицы «пожилых лет» Марьи Александровны — дамы внешне «консервативной» и даже «набожной», но воспитанной вполне «по-французски», в пренебрежении к христианским заповедям (как то и «подобает» «благопристойным» лицемерам фамусовского круга). Проповедующий подлинно охранительные начала ее сын Миша вполне резонно возражает на то, что мать упрекает его в либерализме. Он указывает на настоящих, не имеющих с ним ничего общего «либералов» — декабристов, воспитанных, подобно Марье Александровне, «на французскую ногу». На обвинения матери: «...перестань либеральничать», «Все это масонские правила. Все это от Рылеевских стихов» [Гоголь, 1949: Т. 5, 126, 369] — герой замечает:

«Ах, маменька, сколько я вас просил, не повторяйте этого слова. Вы не поверите, как оно мне противно и пошло <...>. Что было когда-то на свете пятьдесят русских пустых голов, воспитанных на французскую ногу, <...> воспользовались этим преданием и давай <...> честить им встречного и поперечного» [Гоголь, 1949: Т. 5, 126, 424].

Иначе говоря, Гоголь, вполне разделяя «оппозиционность» своего героя к его «французской» матушке, столь же категорически не одобряет оппозиционности «офранцузившихся» декабристов (и самой Марьи Александровны) к традиционным русским ценностям.

Из дальнейших слов Марьи Александровны: «...влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом» [Гоголь, 1949: Т. 5, 129] — можно предположить, что под «Рылеевскими стихами» героиня подразумевает не только «гражданскую» лирику поэта-декабриста, но и его непристойные стихи на тему «хождения к девкам»: «К Лачинову» (1818), «Заблуждение» (1820), «Нечаянное счастье» (1820 или 1821) и др. Вполне похожий «либерализм» — в отношении к «священнейшим законам Христа» (VI; 201) — проявляет еще один из многочисленных «оппозиционных» героев Гоголя, нерадивый воспитанник Киевской семинарии бурсак Хома Брут в повести «Вий», — который «ходил к булочнице против самого страстного четверга»

(I/II; 431). Римский «стойк», гроза «тиранов» Брут — излюбленный герой поэзии Рылеева. Однако, несмотря на «стоические» симпатии, ведет себя поэтическое alter ego декабриста отнюдь не стоически.

Следует при этом указать, что прообразом разгульного бурсака Хомы Брута — как и других «недорослей» Гоголя — является герой его ранней незавершенной повести «Страшный кабан» (1831), недоучившийся семинарист, но все-таки убежденный «стойк», который, несмотря на все свои «твердые, слишком твердые» правила (VII; 57), поддался впоследствии внезапной страсти. Характеризуя этого героя, Гоголь прямо использовал цитату из «Недоросля» Д. И. Фонвизина: «Он принадлежал к числу <...> семинаристов, *убоявшихся бездны премудрости*» (VII; 52), а о «достоинствах» героя не без иронии замечал, что «Иван Осипович был настоящий стойк, и <...> не ставил ни во что причудливую половину человеческого рода» (VII; 57).

Очевидно, что мнимый стоицизм стал предметом размышления Гоголя еще в самом начале его творческого пути — и одним из примеров для изображения любовных походов не завершивших своего образования «семинаристов» Ивана Осиповича и Хомы Брута служил ему псевдо-стоицизм современного «тираноборца Брута» Рылеева. Вероятно, в том числе и этого «прототипа» — декабриста Рылеева — имел в виду Гоголь, когда писал в 1836 г. в упомянутой рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира» о фривольных нравах масонов, читавших «душеспасительные книги», но «в своих домашних делах» высокими добродетелями не отличавшихся (VII; 494). В 1819–1821 гг., до основания тайного общества декабристов, К. Ф. Рылеев был членом петербургских лож «Пламенеющей звезды» и «Трех добродетелей» [Серков: 718, 1087–1088]. (Организаторы тогдашних противоправительственных сект имели обычай улащать свои мнимо-«благородные» предприятия «громкими» и «ответственными» вывесками: ложа «Святой Екатерины»; ложа «Истинного патриотизма»; ложа «Доброго пастыря», «Союз благоденствия», «Общество Святых Кирилла и Мефодия» и т. п.)

Тему «домашней» масонской нравственности Гоголь, в свою очередь, затрагивал в целом ряде произведений. Так, осенью

1833 г. он посетил выставку Императорской Академии художеств, где видел одну из работ К. П. Брюллова — групповой портрет «Дети графа Л. П. Витгенштейна у ручья с нянькою, скидывающею с ноги чулок» (1831). Вскоре эту брюлловскую работу Гоголь упомянул в своей статье «Последний день Помпеи. (Картина Брюллова)» (1834):

«Я прежде видел одну только его картину — семейство Витгенштейна. Она с первого раза, вдруг, врезалась в мое воображение...» (VI; 294).

Главенствующим на групповом портрете Брюллова является не изображение детей, но — как это сразу по появлении картины отметили современники (и как это отразилось в самом ее названии) — образ няни-итальянки, снимающей чулок «с своей прелестной ноги»⁶¹. Впечатления Гоголя от брюлловского «портрета» нашли прямое отражение в обольстительном образе красавицы, надевающей (или скидывающей) чулок или башмак, в «Записках сумасшедшего», в «Носе», в черновой редакции «Тараса Бульбы». В частности, образ брюлловской итальянки сказался в изображении красавицы-полячки, снимающей с себя обольстительные украшения, когда в ее комнате оказывается Андрий: «...он пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и скидала <1 нрзб.> б<ашмак>» [Гоголь, 2009: 341] (в окончательном, печатном тексте: «...вынимала из ушей дорогие серьги»; I/II; 316). Сцена в спальне ветреной полячки во многом предвещает, по замыслу Гоголя, будущее предательство Андрия.

Но тот же мотив Гоголь воплотил гораздо ранее и в «Ганце Кюхельгартене», размышляя об одной из причин, привязывавших Ганца к родной деревне и отвлекавших его от возможно более «яркой доли»:

«Дитя Луиза, ангел светлый,
Блистала прелестью речей;
Сквозь кольца русые кудрей
Лукавый взгляд жег неприметно; <...>
На шейке розовый платок
С груди слетает понемножку,
И стройно белый башмачок
Ее охватывает ножку» (VII; 16).

На этот раз прообразом «лукавой» Луизы Гоголю послужила одноименная героиня идиллии немецкого поэта И. Г. Фосса «Луиза», русским переводом которой он широко пользовался при создании поэмы:

«...робкой рукою держа
младого знакомца, Луиза
С камня на камень, с холма на холм с торопливостью скачет.
Вот она перешла, осторожно прелестную ножку
Приподняла на забор, зацепилась за сук, и подвязка
Взор приманила друзей; Луиза платье спускает
И, закраснев, чрез забор, как пугливая серна, стремится»⁶².

Переводчик идиллии Фосса Павел Андреевич Теряев в 1822 г. лично подарил экземпляр своего перевода в библиотеку Нежинской гимназии [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 324]. Перевод был сопровожден посвящением «Императорской Академии наук президенту, С. П. Бургского Учебного Округа попечителю» — С. С. Уварову. В 1821–1822 гг. П. А. Теряев состоял в петербургской масонской ложе «Орла Российского» [Серков: 1069]. Переведенная им книга содержит не только фривольные, но и экуменические мотивы — в духе идей «универсального христианства». В ней провозглашается «равенство» католиков, кальвинистов и лютеран. Этому «голицынскому» мотиву посвящена в идиллии вставная «сказочка» о загробной участи представителей разных конфессий: «Я? — Католик! я член единственной веры спасенья! <...> Я? — Кальвинист! я член единственный веры спасенья! <...> Я? — Лютеранин! я член единственной веры спасенья! <...> Все обнялись тогда и, взошедши в жилища эфирны, / Начали новую жизнь с дружелюбным согласием вечным...»⁶³.

Гоголю, посещавшему в 1830–1833 гг. классы петербургской Академии художеств [Виноградов. Летопись...: Т. 2, 272], было также, вероятно, известно — в той или другой форме — одно из положений, выдвинутых в начале 1830-х гг. Обществом поощрения художников (основанным в 1820 г. группой масонов-меценатов — князем И. А. Гагариным, П. А. Кикиным, А. И. Дмитриевым-Мамоновым и др.):

«Насмотревшись на прелестные парижские литографии в окнах магазинов, даже крестьянин будет смотреть не теми глазами на

произведения лубочной печати, которые прежде восхищали его» [Столпянский: 68].

Об этих соблазнительных литографиях Гоголь упоминает в «Шинели»:

«Акакий Акакиевич <...> остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную...» (III/IV; 132).

Масоном — членом петербургской ложи «Избранного Михаила» — был в свое время, вместе с братом Александром, и член Академии художеств, создатель картины «Дети графа Л. П. Витгенштейна у ручья с нянькою, скидывающею с ноги чулок», К. П. Брюллов [Сахаров: 60, 198, 239]. Самое пристальное внимание Гоголь обратил и на центральный образ всемирно известного полотна Брюллова, картины «Гибель Помпеи», — прекрасную мертвую красавицу на первом плане. Этот образ стал «первоисточником» для изображения демонической мертвой панночки, губительницы недоучившегося «стойка» Хомы Брута в повести «Вий»⁶⁴.

Вольнодумство эпохи обрушило на современников целый поток оболъстительных образов. И все это — несмотря на официально провозглашенное желание правительства, «дабы Христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения»⁶⁵.

Указанные реминисценции еще раз свидетельствует о весьма скептическом отношении уже «раннего» Гоголя к либеральной идеологии. Вполне последовательно Гоголь и в статье «Несколько слов о Пушкине» вовсе не выступает «в защиту» антиправительственного лагеря, но определенно отстаивает соответствие поэзии Пушкина провозглашенным Уваровым (в том же 1834 г.) началам Православия, Самодержавия и Народности. Это же стремление к «реабилитации» поэта вполне отчетливо слышится и в позднейших статьях Гоголя, напечатанных в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

«Безделица — выставить наиумнейшего человека своего времени не признающим христианства!..» — замечает здесь Гоголь

(VI; 66). — «Есть много среди света такого, которое для всех, отдалившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству...» (VI; 59).

Развивая апологию пушкинской поэзии в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», Гоголь писал:

«Шекспир, Шеридан, Мольер, Гете, Шиллер, Бомарше, даже Лессинг, Реньяр <...> ничего не произвели такого, что бы отвлекло от уважения к высоким предметам; к ним даже не перешли и отголоски того, что бурлило и кипело у тогдашних писателей-фанатиков, занимавшихся вопросами политическими и разнесших неуважение к святыне (подразумевается прежде всего Вольтер — почитаемый «студентом» Белинским. — *И. В.*). У них (т. е. у Шекспира, Шеридана и пр. — *И. В.*), если и попадаются насмешки, то над лицемерием, над кощунством, над кривым толкованием правого...» (VI; 58).

В последних словах, помимо прочего, заключается и представление о возможности весьма различного «понимания» провозглашенных Уваровым начал, а кроме того, намек на лукавую приспособляемость лиц, унаследовавших традиции «универсальной» александровской эпохи. (Сам Уваров, по оценке современников, во многом не соответствовал возложенной на него Императором задаче, почему в итоге и был уволен от должности министра⁶⁶.) «...Ведь нравственность вещь относительная...» — иронически замечает на этот счет «невзрачный, но ядовитого свойства господин» в гоголевском «Театральном разезде...», — «нравственность всякий меряет относительно к себе. Один называет нравственностью сниманье ему шляпы на улице; другой называет нравственностью смотреть сквозь пальцы на то, как он ворует; третий называет нравственностью услуги, оказываемые его любовнице. Ведь обыкновенно как говорит всякий из нашей братии своим подчиненным? — свысока говорит: “Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно Бога, Государя, Отечества”, — а ты, мол, уж там себе разумеи, относительно чего. <...> если и явится у кого-нибудь в три года два дома, так ведь это отчего? Всё от честности, не так ли?» (III/IV; 463). Как раз такой «нравственности» и требует от сына

героиня «Отрывка», понуждающая его жениться на богатой княжне — «дуре первоклассной» — Шлепохвостовой:

«Либерал! <...> Вон у него фалды фрака не так, как у прочих! платок не так завязан!»; «...я хочу <...>, чтобы мой сын <...> служил в гвардии и был бы на всех придворных балах» [Гоголь, 1949: Т. 5, 125, 126].

«Примерная» набожность и великосветский «консерватизм» этой дамы вполне «доказываются» (с противоположным знаком) ее возмущенной репликой о «скверном» «либерале» Собачкине (очевидным протитипом которого является упомянутый грибоедовский герой — лицемерно-циничный «ратоборец нравственности» Загорецкий). Собачкин «ославил» Марью Александровну в обществе за несоответствующую великосветским требованиям «нероскошную» жизнь:

«Будто я не знаю, что ты либерал; и знаю даже, что тебе все это внушает: все этот скверный Собачкин. <...> Без правил, без добродетели — <...> какой гнусный человек! <...> что такое он разнес про меня!.. <...> что у меня подают сальные огарки; <...> что я выехала на гулянье в упряжи из простых веревок на извозчичьих хомутах... Я <...> более недели была больна; <...> одна вера в Провидение подкрепила меня» (III/IV; 428).

Такие же карманные «набожность» и «благочестие» демонстрирует другой гоголевский псевдо-консерватор — сребролюбец Плюшкин, рассуждающий об обязанности пастырей обличать порок сребролюбия:

«Приказные такие бессовестные! <...> такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание; сказал бы какое-нибудь поучение: ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь» (V; 120).

В этом обличении духовной мертвенности и заключается собственно гоголевская — заведомо отличающаяся от навязываемой радикальными интерпретаторами — тема «Мертвых душ». Размышляя о героях первого тома поэмы, Гоголь писал о Чичикове:

«Он позабыл <...>, что наступил ему тот роковой возраст жизни, когда все становится ленивей в человеке, когда нужно его будить,

чтоб не заснул навеки. Он не чувствовал того, что еще не так страшно для молодого, — ретивый пыл юности, гибкость <...> бурлят и не дают мельчать чувствам, — как начинающему стареть, которого нечувствительно охватывают <...> пошлые привычки света, условия, приличия без дела движущегося общества, которые до того, наконец, все опутают и облекут человека, что <...> попробуешь добраться до души, ее уж и нет. Окремевший кусок и весь превратившийся человек в страшного Плюшкина...» (V; 514).

Об этом же Гоголь писал и в «Портрете»:

«Уже жизнь его коснулась тех лет, когда все дышащее порывом сжимается в человеке <...> и <...> отгоревшие чувства становятся доступнее звуку золота, вслушиваются <...> в его заманчивую музыку и <...> нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя» (III/IV; 92).

Очевидно, что и в исключенном фрагменте статьи о Пушкине Гоголь выступил вовсе не в защиту вольнодумства, а в защиту от обвинений в вольнодумстве — за талантливую молодость пред бесполезной «для государства» жизнью лицемерных «стариков» и лишь на словах «богомольных» — грибоедовских великосветских «тетушек» — тех, про одну из которых упоминает Фамусов в своей знаменитой («набожной») реплике в финале комедии: «Ах, Боже мой! что станет говорить / Княгиня Марья Алексевна!»⁶⁷. Главным же в сокращенном Гоголем отрывке было, собственно, даже не это, а мысль об омертвлении души современного — «онегинского» человека, развитая им в последующем творчестве. Куда более важной для Гоголя была трагедия превращения пламенного, чистого, подлинно «консервативного» юноши — «могучие силы» и твердая *смелость* которого сулили ему широкое, ответственное поприще служения России, — в героя, погубившего свои таланты и безвольно оказавшегося действительно «вольнодумным» — пред «высокими правилами христианства» — ничтожным сребролюбцем Плюшкиным (VIII; 143), законченным представителем «собачьей старости». Изображение плюшкинской «ничтожности, мелочности, гадости» (V; 124) рассказчик прямо обращает — как предупреждение — к вступающему в свет юноше:

«Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» (V; 124).

Как бы подытоживая эти размышления, Гоголь писал позднее в статье «Христианин идет вперед» (1846):

«...пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. <...> ...у них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности...» (VI; 54).

Отсюда следует вывод, применимый ко всему гоголевскому творчеству. Все стремления Гоголя как писателя, пафос всех его произведений направлены не к изменению политической системы общества — в угоду требованиям «лишнего», «огорченного человека», духовного «недоросля», но обращены к жизни каждого христианина, следующего христианским заповедям.

Примечания

- ¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. VII. С. 503. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома римской цифрой и страницы в круглых скобках.
- ² См.: [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 513, 525–529, 535–536, 546–547, 549, 552, 554–555].
- ³ См.: [Виноградов. Летопись...: Т. 6, 337; Т. 7, 114, 176, 179].
- ⁴ [Гоголь Н. В.] Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма Н. Гоголя. Т. 2 (5 глав). М.: В Унив. Тип., 1855. С. 18. Загл. обл.: Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти.
- ⁵ См.: [Мостовская], [Кибальник].
- ⁶ См. об этом: [Туниманов], [Захаров, 1981], [Захаров, 2013: 183–186].
- ⁷ См.: [Гроссман: 221].
- ⁸ Языков Н. М. Малага // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2. С. 354–355.
- ⁹ Пушкин А. Евгений Онегин. Глава IV и V. СПб., 1828. С. 44–45.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1830. Т. 1. С. 753–774.

- ¹¹ См.: 1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Асессоры и Статские Советники // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. <Собрание первое>. СПб., 1830. Т. 30. С. 1054–1057.

Главной причиной издания указа 1809 г. явилось «малое число учащих-ся» в университетах и то, что дворянство «в сем полезном учреждении менее других» принимало участие (1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. С. 1054). «Пассивная забастовка» дворянства объяснялась реакцией на общесословный принцип образования, введенный уставом 1804 г. [Алешинцев: 729]. Указом 1809 г. для обучения чиновников было определено «в тех городах, где находятся университеты», открыть ежегодные курсы, продолжавшиеся с мая по октябрь, на которых занятия полагалось начинать «не ранее 2 часов пополудни, дабы утро могло быть употребляемо на исправление дел службы» (1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. С. 1054, 1056–1057).

- ¹² [Николай I Павлович, император]. Высочайший Манифест. В Царском Селе, 13-го Июля 1826 // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 15 июля. № 167. С. 681.

¹³ Слова, заключенные в квадратные скобки, в автографе зачеркнуты.

- ¹⁴ 1834. Января 23. О допущении к слушанию Университетских лекций служащих и не служащих Чиновников // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. XVII.

¹⁵ 1833. Мая 27. Статьи, на которые, по циркулярному предложению Г. Управляющего Министерством, Г. Попечители и Помощники Попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении Учебных Округов // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. LXV.

- ¹⁶ [Бутырский Н. И.] Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании Университета Ординарным Профессором оного Бутырским // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. 48.

¹⁷ 1825. Февраля 19. Устав Гимназии высших наук Князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 225–226.

- ¹⁸ Доказывать свои «университетские» права нежинским выпускникам, судя по всему, было затруднительно. По названию учебного заведения их часто считали просто «гимназистами», тогда как подтвердить свой «студенческий» статус им было нечем — устав гимназии, где были прописаны эти права, своевременно опубликован не был (впервые он был напечатан только много лет спустя, в 1867 г.; см. предшеств. примеч.). По-видимому, этим обстоятельством и объясняется последовавшее в 1834 г. подтверждение прав нежинцев. 2 января, по докладу Уварова, последовал Именной указ «О предоставлении воспитанникам

Лицея Князя Безбородко, окончившим курс учения, преимуществ, дарованных Уставом 1825 года» (1834. Генваря 2. О предоставлении воспитанникам Лицея Князя Безбородко, окончившим курс учения, преимуществ, дарованных Уставом 1825 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. III). Как следует из текста указа, к тому времени нежинское учебное заведение уже называлась не гимназией, а лицеем. Такое звание «высшему наук Училищу» в Нежине было присвоено новым «Высочайшее утвержденным Уставом Лицея Князя Безбородко» от 7 октября 1832 г. (1832. Октября 7. Высочайше утвержденный Устав Лицея Князя Безбородко // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1833. Т. 7. С. 689–691). (Изданием устава 1832 г. — и преобразованием гимназии в лицей с физико-математическим уклоном — завершилось известное нежинское «дело о вольнодумстве», приговор по которому был вынесен Императором еще осенью 1830 г.) В этой связи обращает на себя внимание содержание одного документа, понадобившегося Гоголю в этот период для подтверждения прав преподавания в петербургском Патриотическом институте. 25 января 1832 г., т. е. еще за восемь месяцев до издания нового нежинского устава, Гоголь получил в Департаменте уделов — прежнем месте его службы — аттестат, в котором, при последующей передаче документа в Патриотический институт, слово «Гимназия» (во фразе: «по окончании курса учения в Гимназии высших наук Князя Безбородко») было выскоблено и вместо него вписано: «Лицей» (в результате исправленное место стало выглядеть в документе следующим образом: «по окончании курса учения в Лицее высших наук Князя Безбородко») (см.: [Виноградов. Летопись...: Т. 2, 153]). По-видимому, двадцатидвухлетний Гоголь воспользовался слухами о грядущем преобразовании гимназии в лицей, чтобы представить ее в своем служебном аттестате более весомо.

¹⁹ [Киреевский И. В.] Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский Вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 191–192. Подпись: 9.11.

²⁰ Коллежский регистратор — последний, низший чин в табели о рангах. См.: [Виноградов, 2000: 300–312].

²² См.: [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 223–224, 693–694; Т. 2, 32–33, 248].

²³ См. подробнее: [Виноградов. Н. В. Гоголь и С. С. Уваров...].

²⁴ См. подробнее: [Виноградов. Летопись...: Т. 2, 284–285].

²⁵ См.: [Виноградов. Блаженны миротворцы...], [Виноградов. Блаженны миротворцы... (продолжение)].

²⁶ Имеются в виду статья В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» и его же рецензия на второе издание «Мертвых душ» в первом номере «Современника» за 1847 г.

²⁷ [Уваров С. С.] Отчет по обозрению Московского Университета. Напечатано в: 1832. Декабря 4. [Всеподданнейший доклад]. С представлением отчета Тайного Советника Уварова по обозрению им Московского Университета и Гимназий // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 348.

- ²⁸ Сделанное ранее предположение, что фамилия мемуариста была Левашов, по его казанскому имению Левашово (см.: [Виноградов, 2013: 559]), ошибочно.
- ²⁹ См.: [Чуковский, 1949: 395].
- ³⁰ Сходное мнение высказывал в 1834 г. в беседе с великим князем Михаилом Павловичем А. С. Пушкин. Запись об этом, от 22 декабря, содержится в дневнике поэта: «Что касается до tiers état <фр. третье сословие>, что же значит наше старинное дворянство с именьями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» [Пушкин: Т. 12, 335].
- ³¹ См. подробнее: [Виноградов. Летопись...: Т. 4, 519].
- ³² См. также: [Рязанов, 1928: 47].
- ³³ См.: [Чуковский, 1949: 379–383, 392–394].
- ³⁴ См.: [Чуковский, 1949: 369–370, 374], [Чуковский, 2017: 13, 15, 21].
- ³⁵ См.: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 127], [Рязанов, 1919: 53], [Чуковский, 1949: 387].
- ³⁶ См. подробнее: [Виноградов. П. В. Анненков...], [Виноградов. Летопись...: Т. 3, 518–522].
- ³⁷ См. также: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 127], [Рязанов, 1919: 53].
- ³⁸ Прочитав в начале 1880-х гг. эти строки в «Вестнике Европы», Маркс написал: «Это ложь! Он ничего подобного не говорил. Он, напротив, сказал мне, что вернется к себе для наибольшего блага своих собственных крестьян! Он даже имел наивность пригласить меня ехать с ним!» (цит. по: [Рапопорт: 63]). Однако Ф. Энгельс 16 сентября 1846 г. в письме к Марксу замечал: «Этот <...> наш Толстой, навратший нам, что он хочет продать в России свои именья» [Маркс и Энгельс, 1962: 42]. Ранее, 8 мая 1846 г., Анненков сообщал Марксу из Парижа: «Я только что получил известие, что Толстой принял решение продать все именья, которые ему принадлежат в России. Нетрудно догадаться, с какой целью» [Рязанов, 1919: 77], [Чуковский, 1949: 391] (см. также: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 128]).
- ³⁹ После того, как радикальная газета «Ausburger Allgemeine Zeitung» сообщила о том, что Я. Н. Толстой является сотрудником III Отделения, Маркс обратился за разъяснением к Анненкову, не является ли этот Толстой его знакомым, Г. М. Толстым. 30 октября 1846 г. Анненков отвечал: «О Боже! И наш честный, простой, прямой Толстой, который теперь в России думает только о том, как бы распродать все свои именья и поселиться в Европе! Благодарю Вас, мой дорогой Маркс, от его имени, что Вы усомнились, читая статью в "Allgemeine...", и обратились ко мне за разъяснениями» (цит. по: [Чуковский, 1949: 391]), (см. также: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 129–130], [Рязанов, 1919: 79]).
- ⁴⁰ См. также письмо Маркса к Анненкову от 9 декабря 1847 г.: [Маркс и Энгельс, 1962: 419–420].

- ⁴¹ Шесть писем Анненкова к Марксу за 1846–1847 гг. см. в изд.: [К. Маркс, Ф. Энгельс... 1967: 127–146].
- ⁴² *Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС*. Предисловие к двадцать седьмому тому // [Маркс и Энгельс, 1962: XV].
- ⁴³ См. подробнее: [Виноградов, 2000: 87–88].
- ⁴⁴ См. подробнее: [Виноградов: «Дело, взятое из души...»: 543–544], [Виноградов, 2016].
- ⁴⁵ 23 декабря 1833 г. Гоголь, сообщая А. С. Пушкину о завершении «Плана преподавания всеобщей истории», который он собирался представить Уварову в качестве *profession de foi* для занятия должности профессора всеобщей истории в Киевском университете, замечал: «Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. <...> Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаметров, где столько философического познания языка и ума быстрого». — Гоголь имел в виду следующие работы Уварова: О Гёте. В торжественном собрании Императорской С.-Петербургской Академии Наук, читано Президентом Академии, 22 Марта 1833. М., 1833. 29 с.; Уваров С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68; Ответ Г<-на> Уварова на письмо Г<-на> Капниста об экзаметре // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1815. Чтение 17. С. 18–42.
- ⁴⁶ Уваров С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу... С. 66.
- ⁴⁷ См. подробнее: [Виноградов, 2015: 185–186], [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 309–310].
- ⁴⁸ См.: [Десницкий: 53–57], [Иофанов: 197–198].
- ⁴⁹ См.: Внутренние происшествия. Санкт-Петербург. 29-го декабря. Подробное описание происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го декабря 1825 года // Прибавление к С. П. Бургским Ведомостям № 104. 1825. Вторник, декабря 29 дня. С. 2.
- ⁵⁰ 17 июня 1826 г. перепечатано в отдельном «Прибавлении к Северной Пчеле» («При сем номере раздается, с дозволения Высшего Начальства, Донесение Его Императорскому Величеству Следственной Комиссии, Высочайше учрежденной для изысканий о злонамеренных обществах»). — Северная Пчела. 1826. 17 июня. № 72. С. 4) и 19 и 21 июня в «Московских Ведомостях»; выпущено также отдельными изданиями в Петербурге, на русском и французском языках.
- ⁵¹ Донесение Следственной Комиссии. Его Императорскому Величеству, Высочайше учрежденной Комиссии для изысканий о злоумышленных обществах, Всеподданнейший доклад. 30-го Мая 1826 года // Прибавление к Северной Пчеле. 1826. <17 июня. № 72>. С. 18.

- ⁵² Языков [Н. М.]. Дерпт // Полярная Звезда на 1899, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон: Вольная русская типография, 1859. Кн. 5. С. 41.
- ⁵³ Там же. С. 41.
- ⁵⁴ Появление фамилии *Тентетников*, вместо *Дерпенников*, относится к весне 1848 г., ко времени возвращения Гоголя из-за границы в Россию [Виноградов, 2007: 138–144].
- ⁵⁵ См. подробнее: [Виноградов, 2015: 19–31].
- ⁵⁶ См.: [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 258].
- ⁵⁷ См.: [Заболоцкий], [Иофанов: 116].
- ⁵⁸ [Фельдбигер И. И.] О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской Империи, изданная по Высочайшему повелению Царствующей Императрицы Екатерины Вторья. 1 изд-е. СПб., 1783. С. 61–71 (11 изд-е — 1817).
- ⁵⁹ «В Гоголе есть <...> черты несомненного юродства <...>. Этот момент юродства <...> психологически совершенно почти неизбежен <...> для всякого серьезно религиозного человека, стремящегося жить не по законам мира сего. Тот “соблазн”, то “юродство проповеди”, о котором говорил еще апостол Павел <1 Кор. 1:18–21>, с веками лишь возрос, и для христианина часто приходится впадать в странности, в юродство, чтобы христиански выявить себя в современной культуре. <...> Тот, кто в себе не почувствовал когда-нибудь несходства “духа времени сего” и христианского начала, кто не почувствовал тех оков, какие кладет современная культура на все подлинно религиозное, тому трудно понять всю психологическую, религиозную и историческую неизбежность юродства» [Зеньковский: 30–31]. См. подробнее: [Виноградов. Летопись...: Т. 1, 647–648].
- ⁶⁰ Внутренние известия. Прибавления к подробному описанию происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го Декабря 1825-го года // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 7 янв. № 5. С. 19.
- ⁶¹ Впечатления современников от этой картины см.: Отчет моих чувствований и ощущений после нескольких посещений выставки Академии художеств. (Посв<ящается> Ф. Н. Глинке) (продолжение) // Северная Пчела. 1833. 1 дек. № 274. С. 1096. См. то же: Северная Пчела. 1833. 30 ноября. № 273. С. 1092; а также: Лобанов М. Выставка Академии художеств 1833 года // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1833. № 12. <Отд. 2>. С. 34–35.
- ⁶² [Фосс И. Г.] Луиза, сельское стихотворение Ивана Генриха Фосса в трех идиллиях / перевод с нем. Павла Теряева. СПб., 1820. С. 13–14.
- ⁶³ См.: [Фосс И. Г.] Луиза... С. 41–43.
- ⁶⁴ См. подробнее: [Виноградов. Комментарий: 431–432], [Виноградов. Летопись...: Т. 2, 338].
- ⁶⁵ 1817. Октября 14. Учреждение Министерства Духовных дел и Народного Просвещения // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. <Собрание первое>. СПб., 1830. Т. 34. С. 814.

- ⁶⁶ См. подробнее: [Виноградов. Н. В. Гоголь и С. С. Уваров...: 194–199].
- ⁶⁷ [Грибоедов А. С.] Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинения Александра Сергеевича Грибоедова. М.: В тип. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургич. Академии, 1833. С. 167.

Список литературы

1. Алешинцев И. А. Записка графа Сперанского «Об усовершеннии общего народного воспитания» // Русская Старина. — 1907. — № 12. — С. 729–735.
2. Анненков П. В. События марта 1848 года в Париже. Из записок // Русский Вестник. — 1862. — Март. — С. 239–299.
3. Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. — 1880. — № 4. — С. 457–506.
4. Б[артенев] П. И. Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. — 1884. — Кн. 1. — С. 391–422.
5. Б[асисто]в П. Е. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. С портретом Н. В. Гоголя. Санктпетербург. 1856. Статья вторая // Отечественные Записки. — 1856. — № 11. — Отд. 2. — С. 15–52.
6. Белинский В. Г. Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 6: Статьи и рецензии 1842–1843. — С. 351–365.
7. Белинский В. Г. Статья восьмая. «Евгений Онегин» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 7: Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине 1843–1846. — С. 431–472.
8. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1956. — Т. 12: Письма 1841–1848 гг. — 596 с.
9. Богучарский В. Я., Гершензон М. О. Новые материалы о Бакунине и Герцене // Голос Минувшего. — 1913. — № 1. — С. 182–189.
10. Бочаров С. Г. Комментарий. <...> Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 23 т. — М.: Наука, 2009. — Т. 3. — С. 665–686.
11. Васильев Л. Что значит фамилия «Тентетников» // Русский Филологический Вестник. — 1909. — № 2. — С. 223–226.
12. [Введенский А. И.] W. Литературные типы русской интеллигенции. IV. Гоголевские типы // Новое Время. — 1889. — 23 авг. — № 4843. — С. 2–3.
13. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — 448 с.
14. Виноградов И. А. «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. — Вып. 6. — С. 214–239 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2643> (05.05.2018).
15. Виноградов И. А. Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Вып. 7. — С. 219–245 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2665> (05.05.2018).

16. Виноградов И. А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. — М.: Наука, 2007. — Вып. 1. — С. 135–220.
17. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / издание подгот. И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 387–656.
18. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя: в 2 ч. — М.: Русское слово, 2009. — Ч. 2. — С. 184–227.
19. Виноградов И. А. «Дело, взятое из души...» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 5. — С. 543–544.
20. Виноградов И. А. К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 6. — С. 419–542.
21. Виноградов И. А. П. В. Анненков — биограф Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: сб. докл. Междунар. конференции / Департамент культуры г. Москвы; Центр. гор. б-ка — мемор. центр «Дом Гоголя»; под общ. ред. В. П. Викуловой. — М.: Фестпартнер, 2009. — С. 145–155.
22. [Виноградов И. А.] Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — Т. 3. — 1168 с.
23. Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. Научное издание. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 352 с.
24. Виноградов И. А. Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. — М.: Новосиб. изд. дом, 2016. — С. 226–233.
25. Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / под ред. М. И. Щербакова. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. — Вып. 1. — С. 77–94. (а)
26. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 3. — С. 7–18. (б)
27. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 4. — С. 51–67. (с)

28. Виноградов И. А. Литературная проповедь Н. В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 2. — С. 49–124 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530266349.pdf (05.05.2018).
29. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. — Т. 1–7. — 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с.
30. [Говоруха-Отрок Ю. Н.] Николаев Ю. Еще о Гоголе. По поводу статьи г. Розанова «Несколько слов о Гоголе», *Московские Ведомости*, № 46 // *Московские Ведомости*. — 1891. — 16 февр. — № 74. — С. 5.
31. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1937. — Т. 2. — 762 с.
32. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1951. — Т. 4. — 552 с.
33. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1949. — Т. 5. — 512 с.
34. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1951. — Т. 6. — 924 с.
35. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1952. — Т. 8. — 816 с.
36. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1952. — Т. 9. — 684 с.
37. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / издание подгот. И. А. Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 696 с.
38. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. — Т. 1–17. — 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
39. Градовский А. Мечты и действительность. (По поводу речи Ф. М. Достоевского) // *Голос*. — 1880. — 25 июня. — № 174. — С. 1–2.
40. Гроссман Л. П. Прототипы Фомы Опискина // *Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного* / под ред. Л. П. Гроссмана. — М.: ГИХЛ, 1935. — С. 218–222.
41. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. послесловие и коммент. С. А. Вайгачева. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
42. Десницкий В. А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Т. 2. — С. 1–105.
43. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972. — Т. 3. — 544 с.
44. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1984. — Т. 26. — 520 с.
45. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1984. — Т. 27. — 464 с.

46. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1985. — Т. 28. — Кн. 2. — 616 с.
47. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1986. — Т. 29. — Кн. 1. — 576 с.
48. Еремин М. П. Пушкин — публицист. — М.: ГИХЛ, 1963. — 447 с.
49. Заболотский П. А. К биографии Гоголя в Полтавский период // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. — 1912. — Т. 17. — Кн. 2. — С. 1–27.
50. Захаров В. Н. Комический шедевр Достоевского // Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. — Петрозаводск: Карелия, 1981. — С. 206–213.
51. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
52. Захаров В. Н. Кто гений, кто Шекспир? Из антропологических открытий Достоевского // Русская словесность. — 2018. — № 2. — С. 3–8.
53. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь в его религиозных исканиях // Христианская Мысль. — Киев, 1916. — № 1. — С. 26–57.
54. Иофанов Д. М. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. — Киев: Изд-во АН УССР, 1951. — 432 с.
55. Кибальник С. А. «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2010. — Т. 19. — С. 108–142.
56. [Коробка Н. И.] Ред<актор>. Комедии Гоголя // Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя: [в 5 т.] / под ред. Н. И. Коробки. Текст заново сверен с рукописями и изданиями, вышедшими при жизни автора. — СПб.: Русское Книжное товарищество «Деятель», [1913]. — Т. 4: Комедии и Драматические отрывки. — С. 5–11.
57. Маргулис Ю. Э. Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 года) // Воздушные пути. Альманах. — Нью-Йорк. — 1963. — № 3. — С. 272–294.
58. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1962. — Т. 27. — 696 с.
59. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. — М.: Политиздат, 1967. — 809 с.
60. Морозов И. Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. — М.; Л., 1935. — № 4. — С. 223–258.
61. Мостовская Н. Н. «Село Степанчиково и его обитатели» / уточнения и дополнения к комментарию Полного собрания сочинений Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1983. — Т. 5. — С. 225–226.
62. [Панаев В. А.] Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская Старина. — 1901. — № 9. — С. 481–510.
63. Поляков М. Я. Студенческие годы Белинского // Литературное наследство. — М., 1950. — Т. 56. — С. 303–416.
64. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 12. — 576 с.

65. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. 13. — 651 с.
66. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 14. — 547 с.
67. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. — Л.: Наука, 1978. — Т. 7. — 543 с.
68. [Рапопорт С. А.] Ан—ский С. К характеристике Маркса. (Примечания К. Маркса к «Замечательному десятилетию» П. Анненкова) // Русская Мысль. — 1903. — № 8. — Отд. 2. — С. 61–63.
69. Розанов В. Несколько слов о Гоголе. (По поводу статьи г. Ю. Николаева: «Нечто о Гоголе и Достоевском», *Московские Ведомости*, № 26, «Литературные заметки») // *Московские Ведомости*. — 1891. — 15 февр. — № 46. — С. 4.
70. Рязанов Д. Б. Карл Маркс и русские люди сороковых годов. 2-е изд., доп. — М., 1919. — 91 с.
71. Рязанов Д. Б. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса // *Летописи марксизма*. — М.; Л., 1928. — Кн. VI. — С. 41–49.
72. Сахаров В. И. Русское масонство в портретах. — М.: АиФ Принт, 2004. — 507 с.
73. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. — М.: РОССПЭН, 2001. — 1224 с.
74. Столянский П. Н. Старый Петербург и Общество Поощрения Художеств. — Л.: Изд-е Комитета популяризации художественных изданий, 1928. — 82 с.
75. [Толстой Г. М.] Поездка в Туринск к декабристу Вас. Петр. Ивашеву в 1838 г. Воспоминание Г. М. Толстого / сообщ. А. П. Топорнин // *Русская Старина*. — 1890. — № 11. — С. 327–351.
76. Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854–1862. — Л.: Наука, 1980. — 296 с.
77. Успенский Н. В. Некрасов в с. Спасском // Успенский Н. В. Из прошлого. — М., 1889. — С. 227–238.
78. Фридлиндер Г. М. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> — <Л.>: АН СССР, 1952. — Т. 8. — С. 756–758.
79. Черняк Я. З. Комментарий. Письмо Белинского к Гоголю // *Литературное наследство*. — М., 1950. — Т. 56 — С. 582–605.
80. Чуковский К. И. Григорий Толстой и Некрасов. К истории журнала «Современник» // *Литературное наследство*. — М., 1949. — Т. 49–50. — С. 365–396.
81. Чуковский К. И. Григорий Толстой и Некрасов // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. / коммент. Б. Мельгунова и Е. Ивановой. — М.: Агентство ФТМ, 2017. — Т. 9. — С. 7–44.
82. Шагинян М. С. Человек и время. История человеческого становления. — М.: Советский писатель, 1982. — 560 с.
83. Шевырев С. Герой нашего времени // *Москвитянин*. — 1841. — Ч. I. — № 2. — С. 515–538.

Информация об авторе: *Виноградов Игорь Алексеевич* — доктор филологических наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук».

Дата поступления в редакцию: 21.05.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Igor A. Vinogradov

(Moscow, Russian Federation)

info@imli.ru

“Grived People” in the Works of N. V. Gogol

Abstract. Among the “cross-cutting” and “core” themes of Gogol’s creative work, which for a long time did not attract attention, there is the question about the attitude of the writer to “opposition”, anti-government trends. This theme is a key one for a number of fiction and publicistic writings of N. V. Gogol. For the first time, Gogol’s typology of the “distressed man” as a literary contemporary of the “superfluous people” such as Onegin and Pechorin, the “new people” for example, N. G. Chernyshevsky, the “underground man” F. M. Dostoevsky and others is studied in the article. Gogol’s views on the balance between liberalism and conservatism are analyzed, in particular, the “paradox” that has been in the field of invariable attention of the writer is considered, according to which a hypocritical conservatism always contains the origins of liberalism, while the “liberals” accused by pseudo-conservatives sometimes in fact are bearers of conservatory values. A detailed account is given concerning the autobiographical character of certain motifs of Gogol’s works related to the theme of state service. The authorship of the memoirs of an unknown person about Gogol’s stay in Mannheim in 1844 is established. The authorship of the memoirs of an unknown person about Gogol’s stay in Mannheim in 1844 is established. The memoir note belongs to Grigory Mikhailovich Tolstoy (1808–1871), a rich Simbirsky and Kazan landowner, acquainted with Karl Marx. Being an extraordinary, well-educated representative of a prominent noble family, a person of the “Onegin” type, keen on gypsy songs, a theater-goer, a liberal, a player and a hunter Tolstoy was famous for being unreliable and, as one might judge, “exceptionally easy in reasoning”, so that he could be of help to Gogol in the completing his gallery of “dead souls”. The episode from Gogol’s biography is examined on a broad cultural and historical background. The history of acquaintance of Tolstoy with Gogol in Moscow in 1840 and communication with the writer, four years later, in Mannheim, the circumstances of Tolstoy becoming close to Marx in Paris before his arrival in Mannheim are being studied. The reported information opens a new page in the biography and creative work of Gogol.

Keywords: N. V. Gogol, conservatism, liberalism, typology of the hero, “superfluous people”, “grived people”, polemic, parody

References

1. Aleshintsev I. A. A Note by Count Speransky "On the Improvement of General Public Education". In: *Russkaya Starina*, 1907, no. 12, pp. 729–735. (In Russ.)
2. Annenkov P. V. The Events of March 1848 in Paris. From Notes. In: *Russkiy Vestnik* [*The Russian Messenger*], 1862, March, pp. 239–299. (In Russ.)
3. Annenkov P. V. A Remarkable Decade. 1838–1848. From Literary Memoirs. In: *Vestnik Evropy* [*Herald of Europe*], 1880, no. 4, pp. 457–506. (In Russ.)
4. Bartenev P. I. F. V. Chizhov to the Artist A. A. Ivanov. In: *Russkiy Arkhiv*, 1884, book 1, pp. 391–422. (In Russ.)
5. Basistov P. E. Notes on Life of Nikolai Vasilievich Gogol, Composed Based on the Memoirs of His Friends and Acquaintances and from His Own Letters: in 2 Vols. With a Portrait of N. V. Gogol. St. Petersburg. 1856. Article Two. In: *Otechestvennyye Zapiski*, 1856, no. 11, section 2, pp. 15–52. (In Russ.)
6. Belinskiy V. G. A Literary Conversation Overheard in the Bookshop. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. *The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6: Articles and Reviews 1842–1843, pp. 351–365. (In Russ.)
7. Belinskiy V. G. Article Eight. "Eugene Onegin". In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. *The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 7: Articles and Reviews 1843. Articles About Pushkin 1843–1846, pp. 431–472. (In Russ.)
8. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [*The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 12: Letters of 1841–1848. 596 p. (In Russ.)
9. Bogucharskiy V. Ya., Gershenzon M. O. New Materials About Bakunin and Herzen. In: *Golos Minuvshogo* [*The Voice of the Past*], 1913, no. 1, pp. 182–189. (In Russ.)
10. Bocharov S. G. A Commentary. <...> A Few Words About Pushkin. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [Gogol N. V. *The Complete Works and Letters: in 23 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2009, vol. 3, pp. 665–686. (In Russ.)
11. Vasil'ev L. What Does the Surname "Tentetnikov" Mean? In: *Russkiy Filologicheskiy Vestnik*, 1909, no. 2, pp. 223–226. (In Russ.)
12. <Vvedenskiy A. I.> W. Literary Types of Russian Intellectuals. 4. Gogol Types. In: *Novoe Vremya*, 1889, 23 August, no. 4843, pp. 2–3. (In Russ.)
13. Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniya* [Gogol Is an Artist and a Thinker: Christian Foundations of the World Outlook]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
14. Vinogradov I. A. "I Am Your Brother": The Study of Nikolai Gogol's Short Novel The Overcoat. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001,

- issue 6, pp. 214–239. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2643> (accessed on May 5, 2018). (In Russ.)
15. Vinogradov I. A. Unknown Autographs of Nikolai Gogol’s Two Articles About Church and the Clergy: The History of Publishing Gogol’s “Selected Correspondence with Friends”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 219–245. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2665> (accessed on May 5, 2018). (In Russ.)
 16. Vinogradov I. A. The Poem “Dead Souls”: Problems of Interpretation. In: *Gogolevskiy vestnik [The Gogol Herald]*. Moscow, Nauka Publ., 2007, issue 1, pp. 135–220. (In Russ.)
 17. Vinogradov I. A. Commentary. In: *Gogol’ N. V. Taras Bul’ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskii kommentariy [Gogol N. V. Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)
 18. Vinogradov I. A. N. V. Gogol and S. S. Uvarov: Orthodoxy, Autocracy, Nationality. In: *Dukhovnyy put’ N. V. Gogolya: v 2 chastyakh [A Spiritual Way of N. V. Gogol: in 2 Parts]*. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2009, part 2, pp. 184–227. (In Russ.)
 19. Vinogradov I. A. “A Mission Coming from the Soul...”. In: *Gogol’ N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh) [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]*. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 5, pp. 543–544. (In Russ.)
 20. Vinogradov I. A. More on the History of the Creation and Publication of Gogol’s Spiritual Prose. In: *Gogol’ N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh) [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]*. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 6, pp. 419–542. (In Russ.)
 21. Vinogradov I. A. P. V. Annenkov — N. V. Gogol’s Biographer. In: *N. V. Gogol’ i ego literaturnoe okruzhenie: Vos’mye Gogolevskie chteniya: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii [N. V. Gogol and His Literary Ambience: the Eighth Gogol Readings: Collection of Reports of the International Conference]*. Moscow, Festpartner Publ., 2009, pp. 145–155. (In Russ.)
 22. Vinogradov I. A. *Gogol’ v vospominaniyakh, dnevnikakh, pereziske sovremennikov. Polnyy sistematicheskii svod dokumental’nykh svidetel’stv: v 3 tomakh [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries: in 3 Vols]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, vol. 3. 1168 p. (In Russ.)
 23. Vinogradov I. A. *Gogol’ v Nezhinskoy gimnazii vysshikh nauk: Iz istorii obrazovaniya v Rossii [Gogol in the Nezhin High School: From the History of Education in Russia]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)

24. Vinogradov I. A. Gogol About Poetry and Scholasticism. (To the Author's Definition of the Genre of "Dead Souls"). In: *Tvorchestvo N. V. Gogolya i evropeyskaya kul'tura. Pyatnadsatye Gogolevskie chteniya. Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moskva, 23–24 marta; Vena, 26–27 marta 2015 g. [*The Works of N. Gogol and European Culture. The Fifteenth Gogol Readings. Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference. Moscow, March 23–24; Vienna, March 26–27, 2015*]. Moscow, Novosibirsk Publishing House Publ., 2016, pp. 226–233. (In Russ.)
25. Vinogradov I. A. The Most Patriotic Book of Our Literature ("The Selected Passages from Correspondence Between Nikolai Gogol and His Friends"). In: *Aktual'nye voprosy izucheniya dukhovnoy i svetskoy slovesnosti [Actual Questions of Studying Spiritual and Secular Literature]*. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ., 2017, issue 1, pp. 77–94. (In Russ.) (a)
26. Vinogradov I. A. Blessed Are the Peacemakers. From the Story of the Two Ivans to the Idea of "Dead Souls". In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]*, 2017, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.) (b)
27. Vinogradov I. A. Blessed Are the Peacemakers. From the Story of the Two Ivans to the Idea of "Dead Souls" (The Continuation). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]*, 2017, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.) (c)
28. Vinogradov I. A. The Literary Sermon of N. Gogol: Pro et Contra. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 49–124. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530266349.pdf (accessed on May 5, 2018). (In Russ.)
29. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnoy letopis'yu (1405–1808): v 7 tomakh [Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). With a Genealogical Chronicle (1405–1808): in 7 Vols]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. (In Russ.)
30. Govorukha-Otrok Yu. N. Nikolaev Yu. More About Gogol. Concerning the Article by Mr. Rozanov "A Few Words About Gogol", *Moskovskie Vedomosti*, no. 46. In: *Moskovskie Vedomosti*, 1891, February 16, no. 74, p. 5. (In Russ.)
31. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 2. 762 p. (In Russ.)
32. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, vol. 4. 552 p. (In Russ.)
33. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 5. 512 p. (In Russ.)

34. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [*The Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, vol. 6. 924 p. (In Russ.)
35. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [*The Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 8. 816 p. (In Russ.)
36. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [*The Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 9. 684 p. (In Russ.)
37. Gogol' N. V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskii kommentariy* [*Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009. 696 p. (In Russ.)
38. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [*The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)*]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russ.)
39. Gradovskiy A. Dreams and Reality. (About the Speech of F. M. Dostoevsky). In: *Golos*, 1880, June 25, no. 174, pp. 1–2. (In Russ.)
40. Grossman L. P. Prototypes of Thomas Opiskin. In: *Dostoevskiy F. M. Selo Stepanchikovo i ego obitateli. Iz zapisok neizvestnogo* [*Dostoevsky F. M. The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants. From the Notes of an Unknown Person*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1935, pp. 218–222. (In Russ.)
41. Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa* [*Russia and Europe*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p. (In Russ.)
42. Desnitskiy V. A. The Tasks of Studying the Life and Works of Gogol. In: *N. V. Gogol'. Materialy i issledovaniya* [*N. V. Gogol. Materials and Researches*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 1–105. (In Russ.)
43. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 3. 544 p. (In Russ.)
44. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 26. 520 p. (In Russ.)
45. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 27. 464 p. (In Russ.)
46. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, book 2. 616 p. (In Russ.)
47. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 29, book 1. 576 p. (In Russ.)

48. Eremin M. P. *Pushkin — publitsist* [*Pushkin Is a Publicist*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1963. 447 p. (In Russ.)
49. Zabolotskiy P. A. To the Biography of Gogol in the Poltava Period. In: *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [*Bulletins of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*], 1912, vol. 17, book 2, pp. 1–27. (In Russ.)
50. Zakharov V. N. The Comic Masterpiece of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Selo Stepanchikovo i ego obitateli* [*Dostoevsky F. M. The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1981, pp. 206–213. (In Russ.)
51. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on the Creative Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
52. Zakharov V. N. Who Is a Genius, Who Is Shakespeare? From the Anthropological Discoveries of Dostoevsky. In: *Russkaya slovesnost'*, 2018, no. 2, pp. 3–8. (In Russ.)
53. Zen'kovskiy V. V. N. V. Gogol in His Religious Strivings. In: *Khristianskaya Mysl'* [*Christian Thought*]. Kiev, 1916, no. 1, pp. 26–57. (In Russ.)
54. Iofanov D. M. N. V. Gogol'. *Detskie i yunosheskie gody* [*N. V. Gogol. Childhood and Teenage Years*]. Kiev, The Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1951. 432 p. (In Russ.)
55. Kibal'nik S. A. “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants” as Cryptoparody. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 19, pp. 108–142. (In Russ.)
56. Korobka N. I. Gogol's Comedies. In: *Polnoe sobranie sochineniy N. V. Gogolya: v 5 tomakh* [*The Complete Works of N. V. Gogol: in 5 Vols*]. St. Petersburg, Knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'» Publ., 1913. vol. 4: Comedies and Dramatic Excerpts, pp. 5–11. (In Russ.)
57. Margulies Yu. E. The Meeting of Dostoevsky and Gogol (the Beginning of Autumn of 1848). In: *Vozdushnye puti. Al'manakh* [*Air Ways. Almanac*]. New York, 1963, no. 3, pp. 272–294. (In Russ.)
58. Marks K. i Engel's F. *Sochineniya: v 50 tomakh* [*Writings: in 50 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1962, vol. 27. 696 p. (In Russ.)
59. K. Marks, F. Engels i revolyutsionnaya Rossiya [*K. Marx, F. Engels and Revolutionary Russia*]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 809 p. (In Russ.)
60. Morozov I. L. “A Woeful Profanation” (Unpublished Letters of P. V. Annenkov About the Revolution of 1848 in Paris). In: *Istoricheskiy sbornik* [*Historical Collection*]. Moscow, Leningrad, 1935, no. 4, pp. 223–258. (In Russ.)
61. Mostovskaya N. N. “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 5, pp. 225–226. (In Russ.)
62. Panaev V. A. Memories of Valerian Alexandrovich Panaev. In: *Russkaya Starina*, 1901, no. 9, pp. 481–510. (In Russ.)

63. Polyakov M. Ya. Student Years of Belinsky. In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, 1950, vol. 56, pp. 303–416. (In Russ.)
64. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 12. 576 p. (In Russ.)
65. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 13. 651 p. (In Russ.)
66. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, vol. 14. 547 p. (In Russ.)
67. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh [The Complete Works: in 10 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 7. 543 p. (In Russ.)
68. Rapoport S. A. An-skiy S. On the Characteristics of Marx. (Notes of K. Marx to “The Wonderful Decade” by P. Annenkov). In: *Russkaya Mysl' [Russian Thought]*, 1903, no. 8, pp. 61–63. (In Russ.)
69. Rozanov V. A Few Words About Gogol. (On the Article of Mr. Yu. Nikolaev: “Something About Gogol and Dostoevsky”, *Moskovskie Vedomosti*, no. 26, “Literary Notes”). In: *Moskovskie Vedomosti*, 1891, February 15, no. 46, p. 4. (In Russ.)
70. Ryazanov D. B. *Karl Marks i russkie lyudi sorokovykh godov [Karl Marx and Russian People of the Forties]*. Moscow, 1919. 91 p. (In Russ.)
71. Ryazanov D. B. New Data on the Russian Friends of Marx and Engels. In: *Letopisi marksizma [Chronicles of Marxism]*. Moscow, Leningrad, 1928, book 6, pp. 41–49. (In Russ.)
72. Sakharov V. I. *Russkoe masonstvo v portretakh [Russian Freemasonry in Portraits]*. Moscow, Argumenty i fakty Print Publ., 2004. 507 p. (In Russ.)
73. Serkov A. I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000. Entsiklopedicheskiy slovar' [Russian Freemasonry. 1731–2000. Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2001. 1224 p. (In Russ.)
74. Stolpyanskiy P. N. *Staryy Peterburg i Obshchestvo Pooshchreniya Khudozhestv [Old Petersburg and the Society for Promotion of Arts]*. Leningrad, Komitet populyarizatsii khudozhestvennykh izdaniy Publ., 1928. 82 p. (In Russ.)
75. Tolstoy G. M. A Trip to Turinsk, to the Decembrist V. P. Ivashev, in 1838. The Remembrance of G. M. Tolstoy. In: *Russkaya Starina*, 1890, no. 11, pp. 327–351. (In Russ.)
76. Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1854–1862 [Works of Dostoevsky. 1854–1862]*. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 296 p. (In Russ.)
77. Uspenskiy N. V. Nekrasov in the Village of Spasskoe. In: *Uspenskiy N. V. Iz proshlogo [Uspenskiy N. V. From the Past]*. Moscow, 1889, pp. 227–238. (In Russ.)
78. Fridlender G. M. A Few Words About Pushkin. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh [Gogol N. V. The Complete Works: in 14 Vols]*. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 8, pp. 756–758. (In Russ.)

79. Chernyak Ya. Z. Commentary. Belinsky's Letter to Gogol. In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, 1950, vol. 56, pp. 582–605. (In Russ.)
80. Chukovskiy K. I. Grigory Tolstoy and Nekrasov. To the History of the Magazine "The Contemporary". In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, 1949, vol. 49–50, pp. 365–396. (In Russ.)
81. Chukovskiy K. I. Grigory Tolstoy and Nekrasov. In: *Chukovskiy K. I. Sobranie sochineniy: v 15 tomakh [Chukovsky K. I. The Collected Works: in 15 Vols]*. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2017, vol. 9, pp. 7–44. (In Russ.)
82. Shaginyan M. S. *Chelovek i vremya. Istoriya chelovecheskogo stanovleniya [Man and Time. The History of Becoming a Human Being]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 560 p. (In Russ.)
83. Shevryev S. A Hero of Our Time. In: *Moskvityanin*, 1841, part 1, no. 2, pp. 515–538. (In Russ.)

Information about the author: *Vinogradov Igor A.* — Doctor of Philology, Chief Investigator of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Received: May 21, 2018

Date of publication: December 10, 2018